

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

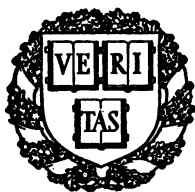
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

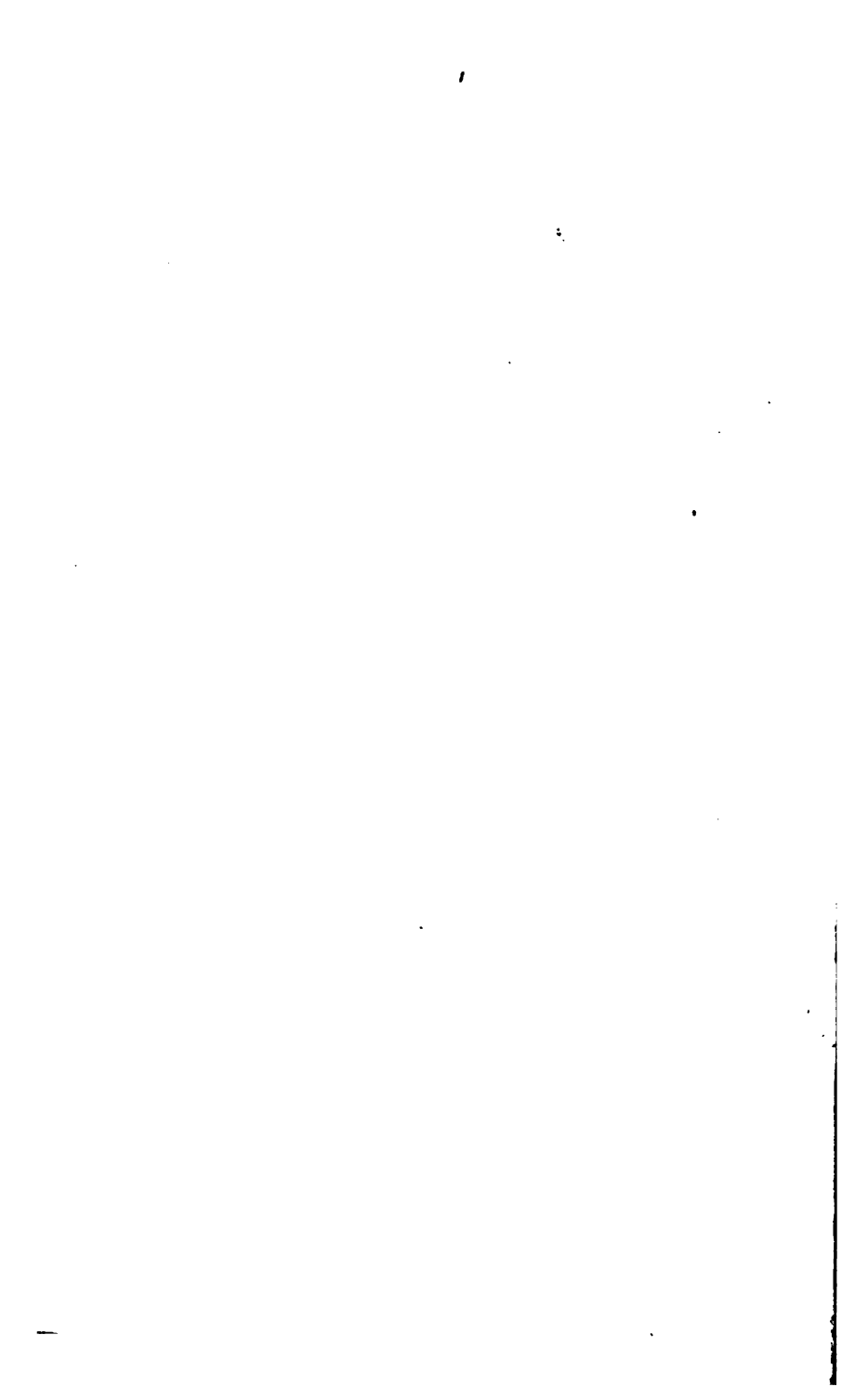
Slav 3615.2

A

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

FROM THE
Subscription Fund
BEGUN IN 1858

○ **ЗАПИСКИ**
И
ЗАМѢЧАНІЯ
О СИБИРИ.

*Въ Катерина Алексеевна;
Сочиненіе*

Катерина Алексеевна

.....ЫОй.

уражданіе? Писаніе.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

Slav 3615.2

A ✓

Subscription fund.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи предсданы были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября
13 дня 1835 года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

1835
10-125

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ книгѣ авторъ не можетъ выразить себя; но какого-бы рода ни была она, всегда забрасываетъ онъ въ нее, мимоходомъ, самъ не замѣчая этого, нѣсколько искръ своего нравственнаго бытія, какъ природа вкрапляетъ въ проспой камень нѣсколько драгоценныхъ, свѣтлыхъ блесковъ, окружавшихъ его, когда онъ скрывался еще въ темныхъ недрахъ земли. Чпѣ шупъ существенность? Само-ли вещество, получившее блескъ и цѣнность отъ постороннихъ, окропленій, или онъ, эти сроднившіяся съ нимъ и уже безразлично соспавляющія его частицы, копорыхъ блескъ напоминаетъ что-то высшее проспыхъ образованій земли? Не знаю. Но невольно пробуждались во мнѣ эти мысли, когда чипалъ

*

я *Записки и Замѣчанія о Сибири...* Въ самомъ дѣлѣ спрашно, что при такомъ предметѣ, гдѣ чипапелю вправѣ ожидать полько замѣчаній Географическихъ, Спашиспическихъ и Эпнографическихъ, онъ меньше всего найдешъ ихъ, и вѣрно будешъ благодарить за эпо милую сочинительницу. Въ нашъ *псевдонимическій вѣкъ* не рѣдкость встрѣшишь книгу, гдѣ спрашнось имени автора или даже чепко напечатанное имя женщины-сочинительницы не введешъ въ заблужденіе никого. Но въ предлагаемой чипапелю книгѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ спраниць, убѣдился, что ее писала женщина, и даже не свѣшская, не имѣющая никакихъ припязаній на авторство. Скажу больше: я имѣлъ порученіе дополнишь и даже переправишь эту книгу, но я не сдѣлалъ эпого, и она передъ глазами чипапелю въ шомъ видѣ, въ какомъ вышла изъ-подъ пера сочинительницы. Что прибавили-бы для достоинства сочиненія ея нѣсколько мершвыхъ числъ, нѣсколько лишнихъ подробностей? Но еще меньше нужны были всѣ передѣлки, оглаживанья, вспавки, исключенія, для пошлыхъ липпературныхъ приличій. Я думаю и надѣюсь, чипапелю согласяшся со мною, что именно проштопа описаній, искренность подробностей и поэзія патриархальной жизни спаринной Сибири соспавляютъ испивную прелесць эпой книги. Нѣкопорья спраницы, на примѣръ описаніе сва-

дебныхъ обрядовъ, гаданій, ворожбы, спариннаго быща, представляющъ шакую поэзію, какой не найдемъ у многихъ нынѣшнихъ поэтовъ. И эпо сполько-же въ самомъ предметѣ, сколько въ помѣ, какъ онъ описанъ. Холодный умъ, свѣтскій взглядъ, малѣйшая чысканность и, если можно сказать, манерность испортили бы шущъ все. По этому-шо, сохраняя описанія сочинительницы во всей полнотѣ, я не приводилъ въ порядокъ замѣчаній ея и даже не исключалъ пошпореній. Не система, а проспудшіе, сила чувства и прелестъ предмета составляющъ до спюинство эпого сочиненія.

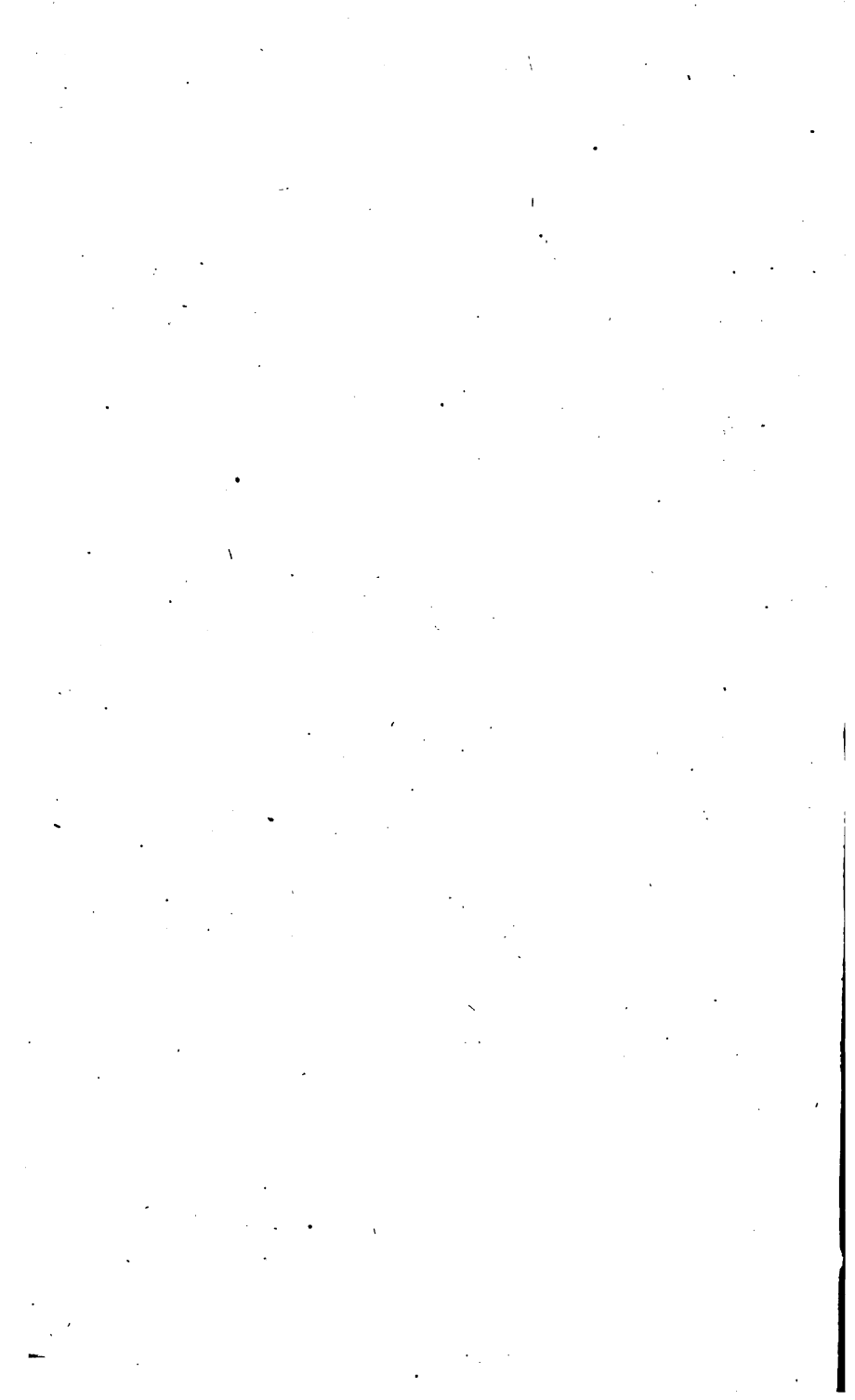
Для незнающихъ хорошо Сибирскаго быща замѣчу, что, можешъ бытъ, нигдѣ, кромѣ Сѣверной Россіи, не сохранилась шакъ старая Русь, какъ въ Сибири. Не удивительно: первыми переселенцами въ нее были жители сѣверныхъ областей Россіи, куда не доспигала ни Тапарская племя, ни Польская спѣсь, ни Французскій вѣкъ знаменитаго Людовика XIV.

Въ концѣ приложено собраніе спаринныхъ пѣсенъ, копорое опличаешся вѣрностью списковъ и конечно будетъ оцѣнено знашоками.

К. П.

Искреннею ошетъ Толстой 1)

1) Братъ Владиміръ Владиміровичъ Толстой

ЗАПИСКИ И ЗАМѢЧАНІЯ

0

СИБИРИ.

Съ удовольствіемъ слышу я, что многіе образованные люди пишутъ о разныхъ частяхъ Сибири. Чтобы описать всю Сибирь, ея произведенія, народы, населяющіе ее, ихъ обряды, преданія, надобно посвящать на это жизнь свою. Я буду напрощивъ говорить только о томъ, что видѣла, и не съ тѣмъ, чтобы попасть въ число писательницъ. Мнѣ пріятно вспомнить о той странѣ, гдѣ прошли лѣта моей молодости. Я жила въ Сибири около двадцати лѣтъ.

Сибирью называютъ пространство, заключающее въ себя четыре губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую. Къ Иркут-

ской губерніи причисляются Якушская и Камчатская области. Прежде причисляли къ ней и Пермскую губернію; да и въ самомъ дѣлѣ Пермская губернія сходствуетъ болѣе съ Сибирью, нежели съ Россією; но я собственно буду говорить объ Иркутской губерніи.

Въ Иркутскѣ полагаютъ около шестнадцати тысячъ жителей. Чиновники, купцы, мѣщане и цеховые составляютъ его народонаселеніе.

Въ Иркутской губерніи нѣтъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣстоположеніе города Иркутска прелестно, особливо когда подъѣзжаешь къ нему изъ Россіи. Лѣтомъ надобно переезжать Ангара на *карбазъ* (такъ называютъ шамъ плоскодонное судно, въ родѣ барки). Ангара вытекаетъ изъ озера Байкала, верстъ за шестидесятъ отъ Иркутска. Она соединяется близъ города съ Иркутомъ и обтекаетъ Иркутскъ. Это прекрасная судоходная рѣка; вода въ ней чистая, дно каменистое; въ Иркутѣ дно песчано-глинистое, вода гораздо теплѣе, и при соединеніи этихъ рѣкъ, каждая сохраняетъ свой цвѣтъ; въ Ангартъ вода свѣтлая, прозрачная, отъ глубины кажется синяго цвѣта, а въ Иркутѣ отъ глинистой почвы дна вода мутная, красноватаго цвѣта. Иркутъ ледитъ; онъ сплавившися и вскрывается прежде Ангарты, которая очень быстра, сплавившися въ Декабръ и вскрывается въ Мартъ. За рѣкой видѣтъ обширный лугъ,

а вдали Вознесенскій монастырь, въ кошоромъ
 мощи перваго Епископа Иркутскаго Иннокен-
 сшя. Каждый изъ жителей города нѣсколько
 разъ въ годъ идетъ шуда помолишься угоднику.
 Монастырь хорошо выспроенъ и богато укра-
 шенъ. Въ немъ при церкви каменныя и одна де-
 ревянная, въ кошорой служилъ Иннокеншій и
 гдѣ прежде лежали мощи его. Въ 1805 году они
 перенесены въ Вознесенскую церковь и положе-
 ны въ великолѣпную серебряную раку. Церкви
 украшены серебряными вызолоченными иконами;
 кельи каменныя. Далѣе по берегу возвышающя
 горы, одѣшья зеленѣющимъ лѣсомъ, при подо-
 швѣ кошорыхъ разбросаны деревни.

Жители Иркутска почти всѣ бръютъ боро-
 ду и спригушъ волосы, не носятъ Русскихъ
 кафшановъ, и даже червнй народъ носитъ лѣ-
 шомъ халашы, а зимою шулуы, крыпые кипай-
 кою или нанкою; лѣшомъ круглыя шляпы и
 каршузы, а зимою шапки и мѣховые каршузы.
 Опличительный нарядъ женщины нисшихъ сосло-
 вий—покрывало, кошорое онѣ называютъ *накид-*
кою. Накидки бывающъ обыкновенно сипщевья; но-
 сятъ и *канаватныя*, съ золошомъ. Прежде были
 накидки канавашныя рублей по сшу, и шеперь

многія за спыдъ почипаюгъ выйдши изъ дому безъ накидки. Обыкновенную одежду женщинъ изъ проспаго народа соспавляютъ: рубанки съ широкими рукавами и узенькими запяспьями (у пожилыхъ женщинъ бываешъ у рубашекъ высокой *воротъ* и широкій *ворощникъ*), юпка и душегрѣйка или шушунъ. *Шушуны* бываюгъ различныхъ покроевъ. Голову повязываютъ плашкомъ. Прежде всѣ купчихи носили юпки и кофшы, а на головахъ плашки; плашки были парчевыя, глазешовыя, шканые, съ золотыми коймами, шипыя золотомъ, бипшю, камипелью; бывали плашки по спу пшпидешши рублей; дома носили въ доспашочныхъ и бѣдныхъ домахъ бумажныя вязаныя калпаки. Нынѣ всѣ молодыя женщины, купчихи, одѣваюшся шочно шакъ-же какъ и въ сполщцѣ. Кшо прѣдешъ прямо изъ Москвы или Пешербурга, шопъ мало замѣшпшъ разшщцы въ одешдѣ; за шо его слухъ жешпоко поспрадаешъ ошъ шашошняго выговора. Въ богашныхъ купечешкихъ домахъ женщины съ давнихъ временъ подражали сполщщнымъ модамъ, и ншгдѣ болѣе, я думаю, не сохранились наряды прабабушекъ. Въ маскарадахъ вспрѣчаеше роброны, фуру, на головахъ кораблики; мужшщнъ видшщпе въ спаринныхъ Французскихъ кашпанахъ. На женскіе наряды ушопребляли прежде шшофъ Французскій, Кшшайскій, шшофъ по саржшрону. Въ другомъ мѣспѣ я упомяну о различныхъ нарядахъ,

и названійхъ разныхъ маперій, копорыхъ имена скоро исчезнушгъ.

Вообще во всей Сибири живутъ очень чисто. Полы въ домахъ не крашеные, исключая немногіе дома; но ихъ шакъ чисто моютъ, что они кажущя даже палевыми. Вымывши полъ, спелюшгъ холщины, сшишыя во всю комнату, натягивающгъ ихъ и приколачивающгъ гвоздями, а сверху поснилающгъ ковры, или песпрыя, узкія, полосащя холщины, копорыя бывающгъ шакже бѣлыя холщевыя, клѣпчашыя, полосащя, шканыя пполоамъ съ шерстью. Эпо издѣлія креспьянокъ шамошнихъ; онѣ красящгъ пряжу и шерсть въ разные цвѣта правами, иногда шакъ хорошо, что шканъ не линяешгъ. Конечно, все эпо въ грубомъ видѣ; но замѣчу, что если - бы кто взялся испышашъ правы, то, кажешся, можно-бъ имѣшъ изъ нихъ хорошія краски. Начиная съ комнагъ, вездѣ найдешъ чистоту: въ кухню, въ погребъ, въ бань, и даже до шакого измишешва, что моюгъ дома снаружи.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ хлѣбъ вообще родишся хорошо. Въ доказательствво скажу, что въ обыкновенные урожайные годы цѣна ржаной муки ошъ сорока до шешидесяши копѣекъ. Землю никогда не удобряющгъ, но по доспащочному количеству оспавляющгъ на годъ или на два. Всѣхъ родовъ хлѣбъ родишся шамъ хорошо, какъшо: рожь, шпеница, овесъ, ячень, грѣчиха, про-

со, копорого съюшь мало; пшеницы озимой не съюшь; конопли родящя хорошо, а льну съюшь мало: онъ не всегда хорошо рѣдѣя. Холщы дѣлаюшь изъ поскони. Подгороднія крещьянки прядушь изъ пеньки много самыхъ шовкихъ веревочекъ, копорыя называюшь *мотуузъ*; его много расходѣя для вязанья бѣлки и для неводовъ и сѣпей. Овощи родящя изобильно, какъ-шо: коршофель, свекла, морковь, рѣпа, рѣдка, лукъ, пуспарнакъ, непрушка, селлеря, укропъ, чаберъ, шалфей, мяша, зоря, салагъ разныхъ родовъ; дыни и арбузы садящъ въ парникахъ; огурцы родящя, но не въ шакомъ изобиліи, какъ въ Россіи; пыквы родящя довольно хорошо. Около города садящъ шабакъ и хмѣль; они хорошо родящя. Поля и лѣса покрышы цвѣшами. Нѣкопорыя назову я, какъ называюшь ихъ въ Сибири: *Сарана* разныхъ родовъ. Эшо родъ лилей; имѣешъ луковичный корень, копорый Буряшы упошребляюшь въ пищу, особливо за Байкаломъ; они осенью роюшь его, загошворя на зиму, и варящъ изъ него родъ каши; увѣряюшь, что эшо довольно вкусная пища. Полевой макъ, аспры, гвоздика, колокольчики, *жаркіе цвѣтки*, *кукушкины сапожки*, *мотикъ синій* и бѣлый, множество другихъ цвѣшовъ; ешь много бальзамическихъ и полезныхъ правъ, особливо около Байкала. Тамъ ешь правы очень сильныя, и если ихъ много упошребляшь, шо онѣ

вредны; яковъ: брунецъ, воронецъ, черногривъ, дикій перецъ и множество другихъ. Лѣса состоятъ изъ слѣдующихъ родовъ деревь: сосна, липяница, береза, ольха, пихпа, осина, кедръ, пополь, черемуха, калина, рябина, дикая яблонь, ива, боярышникъ; нѣтъ липы, дубу, вязу и фруктовыхъ деревьевъ. Кустарники: шиповникъ, паволожникъ (или *таволга*), багульникъ, дикій розмаринъ, *золотарникъ*. Около Байкала и близъ селенія Тунки расцвѣтъ можжевельникъ двухъ родовъ. Ягоды: смородина черная и красная, малина, клубника, земляника, голубица, черница, *княженка*, коспяника; около Байкала есть морошка; брусники очень много, особливо по хребту горъ; окружающихъ Байкаль; клюквы мало. Съ Лены привозятъ ягоду, копорой я нигдѣ не видала, кромѣ Иркутска: это *обльпиха*; цвѣтомъ она оранжевая, величиною съ барбарисъ, и коспочки ея похожи на барбарисовыя. Пыпались разводились плодовицыя деревья; привозили, напримѣръ, изъ Россіи яблонныя и грушевыя; они принялись, цвѣли, но не было плодовъ; прививали къ дикимъ яблонямъ, но не было успѣха. Впрочемъ, для охопника есть возможность имѣть плодовицыя деревья въ грунтовыхъ сараяхъ. Барбарисъ и крыжовникъ хопя росли, но плодовъ нѣ было.

По лѣсамъ много разныхъ родовъ грибовъ, груздей и рыжиковъ.

Въ безконечныхъ лѣсахъ Иркутской Губерніи водятся разные звѣри, какъ по: медвѣди, волки, соболи, лисицы, росомахи, бѣлки, векши, лешяги, барсуки, хорьки, крошны, зайцы, кролики, ласпочки, бурундуки, дикія козы, кабаны и кабарга. Изъ пшицъ: глухіе шеперева, обыкновенные шеперева, рябчики, кулики, дикіе голуби, кукушки, курапашки, драхвы; около рѣкъ и озеръ разныхъ родовъ ушки, крохали, шуршаны, гагары, рыболовки, гуси, лебеди, журавли, цапли; изъ хищныхъ пшицъ: разныхъ родовъ яспребы, коршуны; изъ пѣвчихъ: синицы, снигири, клешпы, шурь, зяблицы, малиновки, ласпочки, чечѣпки; изъ мѣлкихъ обыкновенныхъ: пшишки, сприжи, воробьи; ешь совы и филины; много воронъ и сорокъ.

Домашній скопъ, шакъ же, какъ и вездѣ въ Россіи, соспавляютъ: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади. Рогатый скопъ пригоняютъ болѣе изъ Красноярска. Буряпы имѣютъ большія спада, но скопъ ихъ мѣлокъ и не шучень. У Буряпъ Забайкальскихъ скопъ лучше, но его шрудно доспавлять въ Иркутскъ; зимой иногда привозятъ опъ нихъ говядину шушами. Дворовыя пшицы: куры, ушки, гуси, индѣйки; послѣднихъ мало водятъ. Рѣки изобилуютъ рыбой; въ нихъ ешь: шаймени, сиги, лини, окуни, харіузы, шуки, караси, пискари, язи, сорѣки, налимы; но главное продовольствіе Иркутска и его уѣздовъ соспа-

вляютъ омули. Эта рыба родъ сельдей и ви-
 домъ на нихъ похожа; она очень вкусна, особли-
 во кшо къ ней привыкъ. Главный ловъ ея въ
 Августъ. Переправясь черезъ Байкаль, къ рѣкъ
 Селенгъ, копорая впадаетъ въ Байкаль, промы-
 шленники являюща съ запасомъ бочекъ и со-
 ли, а женщины для чищенья рыбы. Чешуи съ
 нея не счищаютъ, а только расплаываютъ
 самую рыбу, вынимаютъ изъ нея внутрен-
 ность и ондѣляютъ икру, копорую солятъ
 и кладутъ въ мѣшки и кадупки. Омули,
 копорые ловятся позже, называются *кот-*
цовыми; они не такъ вкусны, но икра
 ихъ очень вкусна. Еще ловятъ омулей зимою,
 въ селеніи Бугульдейхъ; пошому и называются
 они *Бугульдейскими*; ихъ продаютъ зимою. Изъ
 Томска привозятъ зимою много свѣжей рыбы,
 какъ шо: осепровъ, шерлядей, *нельмы* (бѣлоры-
 бицы), муксуновъ. Но я еще обращаю къ ому-
 лямъ, эшимъ сельдамъ Иркутскимъ. Всъ жишели,
 богашые и бѣдные, любятъ ихъ, и когда при-
 возятся первые омули и икра, шо всъ идутъ
 на берегъ *покупать омулей и икры свѣжаго*
засолу. А какъ вездъ большую часть наро-
 населенія составляютъ люди небогашые, шо
 бѣдныхъ болѣе нежели богашыхъ идетъ поку-
 патъ омулей и икры. Мужчины, женщины, дѣти
 несутъ омуль или два и икры копѣйки на двѣ,
 въ капустномъ листѣ. Я еще помню, кшо лѣтъ

шридцать пять тому назадъ, бочка омулей продавалась по шринадцати рублей; въ бочкѣ обыкновенно бываешъ шысяча или не много болѣе; но льпъ за пятнадцатъ цѣна возвысилась до шесшидесяти рублей. Изъ Баргузина и Олхона привозятъ юколу и порсу; первая болѣе дѣлаешся изъ щуки и сига. Изъ сига дѣлаюшъ ее слѣдующимъ образомъ: цѣлюю рыбу, расплаваши, надрѣзываютъ поперегъ и вяляшъ на солнцѣ; щуку шолько расплаваиваютъ и вяляшъ. Порсу дѣлаюшъ изъ окуней и другой мѣлкой рыбы, по ешъ сушатъ рыбу кусками, вмѣшъ съ икрой. Порсу употребляютъ въ поспы для щей, какъ снадки въ Россіи. Еще привозятъ, копя въ небольшомъ количествѣ, изъ Томска, небольшую рыбку муксуны, сушеную, копорую болѣе подаюшъ на закуску. Когда привозятъ зимою изъ Томска осепровъ, по всякій, кто можетъ, заготовляютъ эту рыбу въ прокъ дома, а соленой хорошей рѣдко можно доспашъ въ рыбномъ ряду. Льпомъ привозятъ живыхъ осепровъ, но они не дешевы, и попому эшимъ могушъ пользоваться шолько люди богатые.

Судя по тому, что я говорила о произведеніяхъ Иркутска и его уѣздовъ, не лзя назвашъ эшихъ мѣшъ голодными; шамъ ешъ все нужное, кромѣ предметовъ роскоши; нѣшъ ананасовъ, апельсиновъ и другихъ фруктовъ; нѣшъ яблоковъ и

даже вишенъ; но это не соспавляетъ народнаго продовольствія. Иной, живши и въ Россіи, сроду не ѣлъ апельсиновъ, абрикосовъ. Также довольно дороги въ Иркутскѣ вещи, привозныя изъ Россіи, пошому что дорого спдишь провозъ; но человекъ досташпочный можетъ имѣть все: варенье, обсахаренные плоды, сухіе фрукшы, вина; даже шампанское и ромъ въ Иркутскѣ не рѣдкость, но все это очень дорого. За то есть много вещей, копорыя довольно дешевы, особливо все нужное для домашняго продовольствія. Въ урожайные годы мука ржаная опъ 40 до 70 копѣекъ за пудъ; пшеничная хорошая опъ 1-го рубля 60 коп. до 2-хъ рублей; говядина опъ 2-хъ до 3-хъ рублей за пудъ; масло коровье опъ 16 до 20-ши рублей; конопляное 30 коп. за фунтъ; масло изъ кедровыхъ орѣховъ рубль фунтъ; крупа ячменная опъ двухъ съ полшиною до прехъ рубл. пудъ; возъ сѣна опъ пяпи до восьми рублей; сажень дровъ однополѣнныхъ, лучшихъ березовыхъ 5 р., сосновыхъ 2 р. 50 коп. и при рубли. Овесъ продаютъ не чешвершиями, но мѣшками; мѣшокъ, въ копоромъ около прехъ чешвериковъ, спдишь 2 или 3 рубли. Овощи продаютъ также мѣшками; мѣшокъ, слишкомъ два чешверика каршофелю, 8 гривенъ и рубль, свеклы и моркови 7 и 8 гривенъ, рѣпы 40 и 50 копѣекъ; капуста сошья 4 рубли. Масло коровье, коно-

плянное и орѣховое продаются *безмѣнами*; безмѣнъ соспавляетъ два фунша съ половиною.

Каждый народъ прискиваетъ въ произведе-
нiяхъ своей земли не только нужныя вещи, но
и лакомства, свойственныя мѣсту его житель-
ства. Проспой народъ въ Иркутскѣ весной
лакомится *сосновымъ сокомъ*. Вы спросите, что
это такое? Весной женщины, которыя этимъ
промышляютъ, идутъ въ лѣсъ, счищаютъ ко-
ру съ сосновыхъ деревьевъ, и тонкою проволо-
кою сдираютъ находящiяся подъ корою пла-
сты, толщиной въ карпузную бумагу, верш-
ковъ въ шесть длины и вершка 3 ширины;
это называютъ *сокомъ*. Многiя продаютъ его
рубли на при въ день. Его носятъ по улицамъ
женщины и кричатъ: кому надо соку? Услы-
шавъ этого призывъ, дѣти бѣгутъ покупать
сокъ, да и взрослые всѣ ѣдятъ его, говоря, что
онъ здоровъ. Другое лакомство проспoга наро-
да: выжимки изъ кедровыхъ орѣховъ. Когда дѣ-
лаютъ масло, оспанки эти называютъ *избой-*
ной, продаютъ ихъ фуншами, или дѣлаютъ
маленькiя лепешечки, и продаютъ по копѣйкѣ,
иногда и дороже. Сухую черемуху мѣлютъ мѣл-
ко, обвариваютъ кипячкомъ, прибавляютъ саха-
ру или меду и пекутъ съ этой начинкою пи-
роги; это очень вкусно. Еще есть лакомство
или лучше сказать забава: берутъ смолу съ
лиственницы, кладутъ ее въ горшокъ и спавятъ

въ легкій жаръ на нѣсколько часовъ; вынудши, просуживающъ и продающъ кусками или лепешками. Приготовленную такимъ образомъ, называютъ ее *сѣрою* и жуютъ, наиболее женщины почти всѣхъ сословій; но въ хорошихъ домахъ спыдятся *жевать*, особливо при постороннихъ. Хопя это не слишкомъ хорошая привычка, но въ Индiи также любятъ жевать бепель, а въ Испанiи курятъ сигары. Вездѣ свои обычаи!

Въ Иркутскѣ два госпиныхъ двора наполнены разными поварами. Тутъ есть все, начиная отъ предметовъ роскоши, до самыхъ грубыхъ издѣлiй; но нѣтъ такого раздѣленiя лавокъ, какъ въ Россiи. Въ одной лавкѣ найдете вы сукно, шелковыя матерiи, холстъ, чай, сахаръ и разныя мѣлочи. Кромѣ этихъ рядовъ есть лавки, гдѣ прежде былъ базаръ, который переведенъ въ другое мѣсто и обнесенъ заборомъ. На базарѣ продающъ крупу, орѣхи, бруснику, калачи, разныхъ сорповъ булки, ржаной хлѣбъ, сусло, вареное съ брусникой и черемухой, разныя припасы. Въ Иркутскѣ нѣтъ овощныхъ лавокъ въ домахъ. Тутъ-же на базарѣ есть родъ лавочекъ, которыя называютъ балаганами, и въ нихъ продающъ свѣчи, мыло, сѣру горючую и лиспвяничную (которую жуютъ) и разныя мѣлочи. Зимомъ женщины продающъ молоко замороженое. Я нигдѣ, кромѣ Иркутска, не видала, чпобы

продавали молоко *кругами* и *кусками*. Многіе говорятъ, когда рассказываешь объ этомъ, что мороженое молоко не хорошо для употребленія; напрошивъ, я нахожу это доспойнымъ подражаніемъ. Вошь какъ это дѣлается: зимою, когда есть лишнее молоко, которое хотящъ сберечь, выливають парное въ чистую каспрюлю, кладущъ въ него чистую лучинку и выспавляютъ на морозъ. Черезъ нѣсколько часовъ оно замерзаетъ; тогда вносятъ его въ печь, дающъ не много опшавая и за лучину вынимающъ изъ каспрюли; потомъ опносятъ опять на холодъ и кладущъ въ чистую кадущку, которую закрываютъ, чтобъ молоко не въприлось. Когда нужно употреблять, приносятъ его и распаваютъ. Не только молоко, но и сливки можно сохранять такимъ образомъ болве мѣсяца.

Иркускъ можно почесть средопочіемъ и складочнымъ мѣстомъ Сибирской торговли. Всѣ повары, идущіе изъ Россіи, проходящъ черезъ Иркутскъ въ Кяхту, Якускъ, Охотскъ, Камчатку. Изъ Россіи идущъ для Кяхты сукна, мерлужки, кошка, Нѣмецкіе бобры, корсакъ, юфть, сафьянъ, козель; также издѣлія нашихъ фабрикъ: зашрапезъ, плизъ, зеркала, красные ко-

раллы, которые Кипайцы и Русскіе купцы называютъ *маржанъ*. Изъ пушныхъ шоваровъ, которые доставляютъ Сибирь, промѣниваются Кипайцамъ: бѣлка, лисица, низкіе соболи, хорьки; бобры и выдры идуць черезъ Американскую Компанію. Опть Кипайцевъ получаютъ: чай разныхъ сорповъ, какъ-шо байховый, черный, сквозникъ, цвѣпочный разныхъ сорповъ, зеленый и кирпичный, сахаръ леденецъ, часпъ кипайки, дабы, канчи, фанзы, чанчи, флеръ, урубки, небольшое количество фарфору и деревянной, крышой лакомъ посуды, разные сухіе фрукшы, виноградъ, плоды, табакъ куришельный. Еспъ еще много шоваровъ, промѣниваемыхъ опть Русскихъ купцовъ и вымѣниваемыхъ опть Кипайцевъ; но я не упоминаю обо всемъ подробно, ибо не смѣю взявъ на себя описывать шакой важный предметъ. Если-бы кто изъ господъ поргующихъ взялъ на себя прудъ описать нашу порговлю съ Кипайцами, эшо было-бы весьма любопытно.

Въ Якутскѣ опсправляютъ шовары, получаемые изъ Россіи, пакже разныхъ сорповъ чай, сахаръ леденецъ, ромъ и разныя вина, муку ржаную и пшеничную, сухари, пряники, крупу, свѣчи восковыя, масло коровье и деревянное, табакъ, мыло, свѣчи сальныя. Опшуда вывозятъ бѣлку, соболей, разныхъ родовъ лисиць, медвѣдей, песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, мамоншовую

кось. Часъ поваровъ идешь въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Ижигинскъ, въ Зашиверскъ и другія мѣста; опшуда получаюцца шѣ же пушныя повары, о кошорыхъ упомянушо выше, кромѣ мѣлочей, вывозимыхъ болѣе каждыиъ для себя, каковы напримѣръ перчашки разныя, очень хорошо вышитыя; изъ Камчатки и Ижиги чулки *ровдужныя*, *парки*, *камлейки*, *унты* *, нишки изъ жилъ и моржовыя кльки. Изъ Енисейска получаюштъ бѣлку и небольшое количество другихъ пушныхъ поваровъ, пакже холстъ, уншы, рукавицы, нишки, калпаки бумажныя, вязаныя чулки. Изъ всѣхъ поваровъ, проходящихъ черезъ Иркутскъ, ославляюштъ нужное количество для города, а прочіе опсправляюштъ въ уѣздные города. Если чего не лѣзя имѣшь въ Иркутскъ, шо эпо свѣжихъ плодовъ; все другое можно доспаць. Еспъ много предметовъ промышленноспи, кошорые совсѣмъ другимъ образомъ производяцца нежели въ Россіи. Народъ привыкъ къ этому порядку вещей; напримѣръ, въ Иркутскѣ нѣштъ мучныхъ лавокъ; всякій покупаетъ въ шорговыя дни, на рынкѣ, муку ржаную, пшеничную, крупу, овесъ; многіе заготовляюштъ все эпо въ годъ, а кшо не въ соспоянніи, шѣ покупаюштъ по немногу. Еспъ хлѣбныя казенныя магазины, изъ кошорыхъ для бѣдныхъ оппуска-

* Мягкіе сапоги изъ шкуръ дикихъ козь, мѣхомъ внутрь.

юшъ муку по пуду на семейство, дешевле базарной цѣны. Въ мясныхъ рядахъ, кромѣ говядины, можно купишь всегда языки, спудень и проч., но баранины продаюшъ очень мало, шеляпины нѣшъ; а если кому нужно, шо покупаюшъ шеленка и дома буюшъ. Нѣшъ пшичныхъ лавокъ, и если кому нужно, шо берутъ пшичу въ домахъ; у всякаго, кшо живешъ домомъ, ешъ дворовая пшича. На зиму, въ послѣднихъ числахъ Ноября, а иногда и раньше, смогря какова осень, буюшъ гусей, упокъ, куръ, Индѣекъ, и вычисливши, обледеняюшъ каждую пшичу порознь, складываюшъ въ кадки и засыпаюшъ снѣгомъ. Такъ какъ зима бываешъ поспоянная, шо пшича сберегаешъ до Апрѣля и далѣе. Свинину и поросяшъ всегда можно купишь на рынкѣ; вепчины не продаюшъ на рынкахъ, а всякій загошовляешъ ее дома; иногда можно и купишь въ домахъ. Погребовъ зеленыхъ нѣшъ; все нужное загошовляюшъ съ осени; нѣшъ булочниковъ и нигдѣ не пекушъ кренделей и хлѣббвъ, шакъ называемыхъ Французскихъ. На рынкѣ продаюшъ калачи *обварные* и просшья булки, ржаной и пшеничный хлѣбъ; но по большей часши пекушъ все это дома. Разнощиковъ нѣшъ никакихъ, кромѣ чшо весной и лѣпомъ женщины продаюшъ лукъ, рѣдку, сокъ сосновый, о копоромъ я упоминала, и ягоды. Носяшъ иногда каршофельную муку, копорая шамъ

превосходной доброты, масло конопляное, ореховое, и ореховую избойну. Въ Иркутскѣ также нѣтъ модныхъ магазиновъ. Кажется, что смѣшная модистка могла бы тамъ нажиться порядочно. Кондипорскихъ и пракипировъ по-же нѣтъ. Меня, когда я прѣехала въ Россію, изумило множество выѣсокъ, хотя я прежде и знала о нихъ.

Тѣмъ приѣхавъ назадъ въ Иркутскѣ вели жизнь патриархальную. Хозяйки сами занимались хозяйствомъ; въ семействахъ, гдѣ были женатые братья, невестки ходили поочередно въ кухню, смѣривъ за пригопвлениемъ кушанья, а дѣвочки разливали чай; весь домъ и хозяйство завѣдывали сами хозяйки. При сватаньи за дѣвицу никогда не спрашивали денегъ и приданого; всякій давалъ по своему сословію; не было *рядныхъ*, и если кто просилъ денегъ, то такой женихъ получалъ отказъ; говорили, что *хочетъ жениться на деньгахъ*; и потому женихи искали шолько, чтобы невеста была хороша лицомъ, хорошаго характера и была-бы *хозяйка*. Дѣвицы съ малыхъ лѣтъ приучали къ хозяйству. Въ домашнихъ домахъ все заготовлялось *въ прокъ, годовое*: мука, разная крупа, сѣмя конопляное, орехи кедровые, брусника, масло коровье; на зиму заготовляли солонину, капусту многими манерами, огурцы, грузди, рыжики, обварные грибы, варенье разное, овощи, корни; къ лѣту

приготовляли вепчину, рыбу, языки, говядину провѣсную. Во многихъ домахъ макали свѣчи, два раза въ годъ: осенью и въ Маршѣ; дѣлали свой солодь; посылали служившелей за дровами, за вѣниками; заготовляли на годъ дресву, шо естѣ крупный песокъ; эшо вещь необходимая въ опряжномъ Иркутскомъ хозяйствѣ; ее доспаюшъ на кость, или лучше сказашь на Ангарской опивѣли, противъ города, или у Пешрушиной горы; шамъ копаюшъ ее и промываюшъ въ водѣ.

Купцы занимающаея торговлею въ Кяхтѣ, ѣздятъ въ Якушскъ, Охотскъ и на ярмарки Нижегородскую, Ирбишскую и Ононскую. Съ Сентября ѣдушъ купцы сами, а нѣкоторыя отправляюшъ прикащиковъ въ Тунку, въ Баргузинъ, въ Илимскъ, въ Нижнеудинскъ и въ Верхнеудинскъ за покупкою бѣлки и пушныхъ поваровъ. Въ Ноябрь начинаюшъ прѣзжаешъ съ поварами и шога-же прѣзжаюшъ Буряшы изъ Тунки, Каменки и Балаганска съ пушными поварами. Князьки ихъ привозятъ довольно большія парши; къ нимъ ѣздятъ на кварширы смопрѣшь бѣлку и другіе повары; просныя звѣроловы, у которыхъ небольшія парши, возятъ въ саняхъ и носятъ по домамъ бѣлку, медвѣдей, соболей, волковъ, лисицъ и спрую кабарожью.

Осенью и зимою въ купеческихъ домахъ вспаюшъ очень рано; чай пьюшъ со свѣчами, пошому чшо съ разсвѣшомъ дня начинающа дѣла. Бу-

ряпы спараюшся придпи когда еще чупь начинаешъ свѣшашъ, но всѣ знаюшъ ихъ уловку, и обыкновенно заспаваюшъ дожидашся совершеннаго разсвѣта; тогда смопряшъ поварь и шоргуюшся. Когда куплено довольное число бѣлки и другихъ поваровъ, шо ихъ раздѣляюшъ на соршы; бѣлку вяжупъ въ *бунты*, по двацаши бѣлокъ; эшимъ занимаюшся многіе жипели, шакъ что бѣлковязаніе соспавляетъ особенное ремесло. Иногда въ одномъ купеческомъ домѣ вяжупъ бѣлку человекъ 10, 15 и 20. Они рабошаюшъ всегда на *хозяйскомъ хлѣбѣ*, и ихъ кормяшъ хорошо, пояшъ чаемъ, а передъ обѣдомъ, ужиномъ и завшпракомъ даюшъ имъ по рюмкѣ водки. Связавши бѣлку, шючашъ въ шюки и опшравляюшъ въ Кяхшу, въ Москву или на ярмарки Ирбишскую и Нижегородскую. Лучшая бѣлка почитаешся Баргузинская, Тункинская подгородняя и Якушская; за шѣмъ слѣдуюшъ Енисейская и Ленская. Соболи почитаюшся лучшіе Баргузинскіе, Нерчинскіе и Вишимскіе; они имѣюшъ высокій волосъ и чернѣй цвѣшъ, но скоро опцвѣшаюшъ; Камчашскіе не шакъ черны, но не шакъ скоро и опцвѣшаюшъ. Соболя соршируюшъ и разбираюшъ на сороки; сороки дѣляшся на полусороки; связка изъ двацаши соболей кладешся въ кипайчашный мѣшокъ, длиною прошивъ величины соболя, шириною вершковъ въ восемь; эши шакъ называемыя сорочки дѣляюшся обыкновенно изъ нелю-

щеной синей кипайки. Лисицы разбираются на десятки. Лучшие соболи опшправляются въ Рос-
сію; Кипайцамъ прогнѣиваютъ низкіе соболи и
шо въ небольшомъ количествѣ.

Въ Иркутской губерніи одна казенная фабри-
ка: Тельминская суконная и при ней хрустальная.
На нихъ рабошаютъ ссыльные; она въ хорошемъ
успройсѣствѣ. Часпные заводы еспь кожевенные,
мыловаренные, свѣчные. Ремесла, копорыми зани-
маются жишели, не въ лучшемъ соспоянїи, по-
шому болве, что люди богашые спараютъ все
нужное для себя выписывать изъ Москвы и
Пешербурга; однакожъ еспь хорошіе ремеслен-
ники, какъ-шо: серебряники, мѣдники, кузнецы,
споляры, скорняки, поршпные, сапожники, баш-
мачники, плошники. Эшо я говорю о свободныхъ
ремесленникахъ; но въ Иркутскѣ еспь еще
рабочій домъ, гдѣ находптся опредѣленный ком-
плекпъ ремесленниковъ изъ ссылочныхъ. Тамъ
можно найдши почти всякихъ масперовъ; даже
еспь часовщики и живописцы. По прошесствїи
положенныхъ льптъ, птъ рабочіе, копорые ведутъ
себя хорошо, получаютъ дозволеніе селипсья, и
они уже населили шакъ называемую Борисо-
гльбскую слободу, копорая соспавляетъ предмѣ-
спіе города, близъ рабочаго дома.

Многіе изъ жишелей мясники; изъ нихъ еспь
люди богашые; шакже много рыбаковъ, и они
изъ роду въ родъ передаютъ свое занятїе; оп-

купають рыбнѣя ловли и аршелями ловають рыбу; зимою продають ее въ рыбномъ ряду, а лѣпомъ на берегу, куда приплавливають ее въ лодкахъ. Есць ремесленники, копорые принадлежатъ пнамошнему краю исключительно: эпо *ширяльщики* и *звѣровишки*. Первые *ширятъ* въ кожи шовары, опправляемые въ Охотскъ и Якутскъ; вторые промышляють бѣлкѹ, соболей, лисиць и прочихъ звѣрей. Они уходяють въ лѣса, по нѣсколку человекъ, въ извѣспныя имъ мѣсна, болѣе около Байкала; памъ у нихъ поспроены избы, и шуда забирають они съ собой нужное количество хлѣба и другихъ припасовъ, берутъ собакъ, и живутъ мѣсяца по два; уходяють въ первыхъ числахъ Сентября, а приходять въ Ноябрь. Собаки у нихъ просшой породы, но очень злы; они берутъ ихъ главное для спереженія. Звѣрей ловають *кляпцами* или *спрѣляють*. Нѣкопорые креспяне *спрѣляють* дикихъ козъ, шакже ловають *пленками* или *силками* шпиць, спавяють кляпцы на зайцевъ; но преимущественно эшимъ занимаються Буряшы. Многя женщины пекуть сухари для Якутска, Охотска и Камчатки, ржаные и шпеничные двухъ соршовъ: просшые и сдобные. Эши сухари не шо, чшо разумють подъ названіемъ ихъ въ Россіи; эпо изъ шпеничного шесша испеченія, самыя маленькія булочки, копорыя высушывають для шого, чшобъ онѣ не поршились; ржа-

ные сухари бываютъ ровными рѣзаными кусками. Кресстьяне, живущіе по берегамъ Иркутска и Ангара, занимаются рубкою лѣса и дровъ. Весь лѣсъ, употребляемый на постройку домовъ, плавится по Ангарѣ и Иркутску; но главныя лѣсныя ярмарки бываютъ 8 и 20 числа Іюля; особенно первая есть маленькій праздникъ или, лучше сказать, развлеченіе для жишелей. Кромѣ лѣса приплавляютъ на площахъ вилы, грабли, лопаты, лукошки, плетенныя и просито сшипыя изъ бересны; также шуязки (такъ называютъ шамъ бураки, копорые употребляють въ Россіи для икры и меда). Ихъ дѣлають очень искусно и разной величины, опъ спакана до двухъ ведеръ; въ нихъ держашъ воду, квасъ, молоко, ягоды. Кшо изъ Иркутскихъ, бывши ребенкомъ, не восхищался шуязками? Для дѣшей дѣлають ихъ писенные и съ рѣзбою, подъ копорую подкладываютъ цѣпныя лоскупья и сверху покрываютъ слюдою. Еще привозятъ на площахъ мохъ, копорымъ конопашатъ дома при постройкѣ. Лѣтъ сорокъ назадъ всѣ дома строились самымъ спариннымъ манеромъ. Обыкновенно дворъ обносили высокимъ заборомъ, чпд въ Иркутскѣ называютъ *заплотъ*; большія ворота были заперты засовомъ и опширались только для проѣзда экипажей; для пѣшеходовъ была сдѣлана калипка, у калипки задвижка, къ копорой привязывался ремешекъ. Если ремешекъ былъ продѣтъ на

улицу, по можно было поднятъ задвижку и опворипъ вороша; а если выдернутъ, по надобно было спучапъ; для этого приделывалось большое желѣзное кольцо, а подъ кольцомъ желѣзная-же бляха, чпобъ слышнѣе было, когда спучапъ. Передній дворъ вымощенъ бывалъ досками. Дома были высокіе и спроились въ два жилья: въ верху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, копорую называютъ шамъ *подкльть*, и кладовая, по шамошнему *подваль*. Если домъ былъ въ одно жильѣ, по низъ занимало *подполье*, родъ сухаго погреба, и подваль. Крыльцо дѣлали высокое, внизу обнесенное рѣшешкою, съ дверцами; на крыльцѣ были успроены лавочки; сѣни большія поже со скамейками кругомъ спѣнъ и съ двумя окнами. Лѣпомъ въ сѣняхъ обѣдали и ужинали. Посреди сѣней была дверь въ чуланъ, а позади чулана ходъ на верхъ. Въ иныхъ домахъ были мезонины, копорые называютъ въ Иркутскѣ *чердакъ*; они были по большой часши холодные. Горницы раздѣлялись сѣнями на двѣ половины; ихъ обыкновенно называли *задняя* и *передняя*; передняя на улицу, а задняя во дворъ. Изъ сѣней входили прямо въ горницу; шамъ на правой споронѣ изразчашая печь съ вычурами. Въ переднемъ углу спавили образа; передъ образами висѣли лампы съ восковыми свѣчами. Подъ ними въ углу спавили споль, крашеный го-

лубой, зеленый, или красный, съ бѣлыми краями; кругомъ были скамьи, кошорья послѣ замѣнили софами (обипыми кожей) и спульями. Комнаша обыкновенно раздѣлялась на двое; за перегородкой была спальня и споялъ шкафъ съ посудой. Въ заднихъ комнашахъ помѣщались дѣти; иногда спарики хозяева успупали переднюю горницу женатымъ сыновьямъ, а сами жили въ задней. Трудно повѣришь, сколько помѣщалось людей въ двухъ, шрехъ комнашахъ. Можно сказаць, что гдѣ нынче пѣсно чепыремъ челоуѣкамъ, шамъ въ спарину жили десяць челоуѣкъ, и были здоровы и веселы. Если не было кухни внизу, то она была выспроена во дворѣ, и тогда называли ее *зимовьямъ*. Жизнь была шакже напшрїархальна, какъ и убранство комнашь. Въ проспые дни, вспавши до свѣша, разумѣшся зимой, всѣ пили чай; мужчины зимой съ разсвѣпомъ, если семейство было большое. Послѣ этого, въ купеческихъ семействахъ, одни оставались дома, а другіе шли въ госпинный дворъ; но прежде завпракали, попому что рѣдко приходили зимою обѣдаць, а если и приходили, то поздно. Обѣдъ въ проспые дни, когда случалось много дѣла, былъ въ два часа; послѣ обѣда опяць занимались всякій своимъ дѣломъ; часа въ чепыре пили чай, а часовъ въ восемь или девяць ужинали. Послѣ ужина женщины и особливо дѣвцы сидѣли и шили. Гдѣ въ семействѣ было нѣ-

сколько дѣвицъ и женщинъ, шамъ всѣ шили сами бѣлье, плащѣ и разныя домашнія - мѣлочи. Женщины въ Иркутскѣ большія масперницы шили бѣлье, и щеголяли эшимъ одна передъ другою. Нигдѣ, я думаю, шакъ хорошо не спегаютъ одѣяль разными манерами; но въ домахъ доспапочныхъ не спегали дорогихъ одѣяль; на то были особенныя масперницы и брали прежде рублей 30 или 40 за одѣяло; нынче эша работа спойтъ рублей спю или болѣе. Дѣвицы особенно занимались разными рукодѣльями: вышивали шелками, золошомъ, фольгой, въ шамбуръ и гладью; вышивали разными узорами полошенцы; но главное занятіе было хозяйспво. Въ большихъ семейспвахъ, какъ я уже сказала, ходили поочередно въ кухню; но въ праздники или именины шамъ забопились всѣ. Каждое Воскресенье ходили къ заупрени и къ обѣдни. Обѣдъ въ праздники былъ рано. Послѣ обѣда спарики отдыхали, а люди молодые вѣхали кѣшашься или въ госпи. Даже въ богатыхъ домахъ вся прислуга соспояла изъ двухъ или шрехъ женщинъ: эшо были кухарка, горничная и при дѣшяхъ нянька. При шакѣй чиспонтѣ и порядкѣ, какой наблюдался во всѣхъ домахъ, не мудрено, что хозяйкамъ много было дѣла. Они не знали экономокъ и сами занимались выдачею всего. Ни въ одномъ домѣ купеческомъ не было лакеевъ; должносшь ихъ исправляли мальчики, копорыхъ

опдавали родишели или родспвенники для на-
 выка къ порговль. Такой мальчикъ, исправляя
 разныя порученія хозяевъ, долженъ былъ при-
 служивашь и въ домъ; эшо продолжалось два,
 при года. Если онъ оказывался ввренъ и рас-
 шороненъ, шо ему поручали уже дѣла большей
 важности, а мѣсто его занимали другіе. Для
 черныхъ работъ имѣли работниковъ, копорые
 исправляли и должностъ кучера. Когда бывали
 при домъ дворникъ или два, ихъ называли *ка-
 раульщиками*. Они сперегли домъ поочередно,
 днемъ и ночью. Зимой почши въ каждомъ домъ
 жили въ работникахъ Буряшы. Они приходили
 въ городъ осеңью и жили до Мая; шогда ояшь
 уходили въ свои улусы. Они привыкли жишь
 въ Русскихъ домахъ и всегда исправляли, какъ
 не лъзя лучше, домашнія работы: вѣдили за дро-
 вами, рубили ихъ, возили воду, смошрѣли за ско-
 шомъ.

Около Иркутска множество лѣсу, и пошому,
 лишь едва спановилась зимняя дорога, мно-
 гіе посылали работниковъ за дровами въ лѣсъ.
 Каждый день онъ долженъ былъ вспашь часа
 въ шри пополуночи и вѣашь на двухъ или шрехъ
 лошадахъ. При шрехъ лошадахъ опшправлялись
 двое, а на одной или двухъ одинъ, и вѣдили
 верспъ за 10 ошъ города, или много за пшпнад-
 цашь; къ двумъ часамъ возвращались съ дровами.
 Когда много было навезено дровъ, шо весной нани-

мали Бурягъ рубишь ихъ. У кого были двѣ лошади, шъ могли въ зиму заготовишь такимъ образомъ сажень 20 дровъ. Иногда весной нанимали Бурягъ рубишь дрова въ лѣсу, и для этого назначали имъ удобное мѣсто верстъ за 15 или за 20 отъ города; они рубили дрова и клали полусаженями. Зимой перевозили дрова на своихъ лошадяхъ или нанимали крѣстьянъ перевозши ихъ. Случалось, хопя рѣдко, что половину шакой заготовки крали охошники до чужаго.

Зимую живешъ въ городъ много Бурягъ. Они шамъ опшравляютъ ремесло маклеровъ или сведчиковъ. Многіе, сами перекупая у своихъ поваръ, носятъ его по домамъ, а обыкновенно принесушь шовару рублей на сто, и придешь ихъ человекъ пяшь; но это болѣе все подгородные и бѣдные; зажиточные изъ нихъ занимались скошоводствомъ и многіе землешапешвомъ. Они доставляютъ большое количество сѣна; также ихъ промыселъ деревянная посуда. Они привозятъ чашки деревянные, корытны разной величины и лощки, кошорые называютъ въ Иркутскѣ *стѣльницами*.

Живущіе около Байкала привозятъ рыбу, орѣхи кедровые, ягоды (бруснику) и дячину. Женщины ихъ хорошо выдѣлываютъ овчины и шьютъ шубы, шакъ что многіе Русскіе ошдають выдѣлывать и шить ихъ. Они также покупають всякую вещь изъ спараго плашья, особливо лоскунья

шелковые и суконные, а послѣ опвозяптъ ихъ въ свои улусы. Женщины ихъ носяптъ на шеѣ корольки разныхъ цвѣповъ; поясъ ихъ убранъ разными бляхами изъ олова, а у богатыхъ изъ серебра.

Живущіе около Балаганска привозяптъ масло коровье; но его должно перешапливать для употребленія, пошому что они наливаютъ его въ кожаные мѣшки и пузыри (которыя называютъ *чалманами*), и опъ шого оно имѣетъ дурной запахъ. Князьки ихъ называются *тайшами*; другіе чиновные люди *зайсанами* и *шуленгами*. Много естъ богатыхъ. Всѣ они утверждаются въ чинахъ и званіяхъ Правительствомъ и имѣютъ кортики, но носяптъ свое платье.

Довольно странно видѣптъ ихъ на балахъ у начальниковъ въ ихъ шпофныхъ и бархашвыхъ платьяхъ, съ ихъ Азіяпской физиономіей.

Имянины праздновали въ Иркутскѣ обыкновенно вопъ какимъ образомъ: ушромъ пекли множесшво пироговъ, сдобныхъ, изъ проспаго пѣспа, съ вареньемъ, изюмомъ, черносливомъ, винными ягодами, съ пшеномъ сарочинскимъ, капустой, морковью и другими начинками. Пирогѣ разсылались къ родспвенникамъ по при и по чешыре пирога; гдѣ были маленькія дѣпи, шо клали маленькіе пироги по числу дѣпей. Разносили и развозили ихъ женщины. Вошедши въ комнапу, женщина молилась Богу, кланялась хозяевамъ, и посшавивъ пироги на споль, просила

пишъ чай къ имениннику или объдашь, какъ было приказано; попомъ опправлялась въ другой домъ. У кого было много родни, тѣ разсылали нѣсколько женщинъ съ пирогами. Знакомыхъ звали безъ опсылки пироговъ. Вечеромъ, когда прѣзжали госпи, подавали вина, попомъ кофе (хотя и не во время) и чай; къ чаю подавали женщинамъ каждой шарелку съ разнымъ пирожнымъ. Въ комнапѣ, гдѣ сидѣли госпи, споялъ. споль, успавленный вареньями и фрукшами; мужчинамъ подавали послѣ чаю, вина и пуншъ. Они говорили о шорговлѣ, о вновь полученныхъ извѣспіяхъ, о помѣ, чпо пишущъ въ газешахъ, кошорья многими получаюпся. Иногда вечеръ оканчивался шанцами и ужиномъ, но никогда не видно было карпшъ.

Льпшъ за придцапшъ, свадьбы опправляли въ Иркутскѣ со многими обрядами. Какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ, сначала опецъ и мапш совѣшовались между собою; попомъ призывали жениха, объявляли какую невѣспу назначаюпш ему, и если она ему нравилась, шпо собирали ближнихъ родспвенниковъ и совѣшовались съ ними; но эпо былъ уже шолько обрядъ, гдѣ объявляли, чпо намврены женишъ сына. Тогда изъ среды родныхъ назначали одного, кого по-

чипали способнымъ къ переговорамъ. Если назначаемая невѣста не нравилась, то женихъ могъ самъ избиратьъ, полько съ согласія родителей. Можеть бытъ, не много мѣспъ въ Россіи, гдѣ браки пакъ безприсраспны. Со стороны родителей и самого жениха почипали главнымъ, чпобъ невѣста была хороша собою и кропкаго характера, и чпобы семейство ея было извѣстно съ хорошей стороны. Обыкновенно говорили: «Лучше взятьъ безъ приданого, но добраго роду.» Дочери сварливой женщины — могли спокойно сидѣть въ дѣвкахъ, попому чпо о нихъ говаривали: *«яблоко не далеко падаетъ отъ яблонки.»* Хорошей рекомендаціей почипалось и то, когда спаршая сеспра, вышедши за мужъ, была корошая ховайка и почпипельна къ спаршимъ въ семействѣ. Я упомянула уже, чпо о приданомъ никогда не ридились; всякій давалъ по своему соспоянню. Много еспъ пословиць къ эпому случаю, копорыхъ я не слыхала нигдѣ въ другомъ мѣспѣ. Напримѣръ: *«Платье на грядкѣ, уродь на рукѣ. Не съ высокими жить хоромами, не съ частыми переходами, а жить съ человеткомъ. Не жени сына на тещѣ, не отдавай дочери за свекра. Жена не скрылка, на спичку не повѣсишь.»* Последняя клонилась къ пому, чпобъ мужъ могъ содержать жену. Дѣвиць можно было видѣть у обѣдии, на сговорахъ, или у знакомыхъ; но никогда не дѣлами

смотровъ, какъ ведется во многихъ мѣстахъ Россіи. Почли-бы за обиду, если-бъ кто предложилъ шакую невѣжливоспъ. Иногда дѣлалось эшо, но *инкогнито*, т. е. приглашали невѣспу куда нибудь къ знакомымъ въ госпци, гдѣ былъ женихъ; однако родипели и невѣспа не знали эшого. Когда предварипельно было все улажено, шо свашъ опсправлялся въ домъ невѣспы и дѣлалъ предложеніе. Обыкновенно съ одного раза не рѣшались, а просили *дать время подумать* и посовѣщовашься съ родными; эшо дѣлалось даже и въ шакомъ случаѣ, когда не намѣрены были выдавать: считали невѣжливоспю опказашь съ перваго раза. Если-же почипали союзъ приличнымъ, шо приглашали ближнихъ родспивенниковъ, и посовѣщовавшись съ ними, назначали день *рукобитья*. Прежде никогда не спрашивали согласія невѣспы: она должна была повиновашься слѣпо волѣ родипелей; шеперь эшо уже вывелось. Въ назначенный день прѣзжалъ свашъ. Обрядъ рукобитья сосполя въ шомъ, что зажигали свѣчи у образовъ, молились Богу, и опецъ и машъ, или шощъ, кто зашупалъ ихъ мѣсто, давали руку свашу и пили за здоровье помолвленныхъ. Женихъ и невѣспа не бывали при эшомъ обрядѣ. На другой день прѣзжалъ свашъ, и назначали день сговора; до шѣхъ поръ помолвленные не могли видѣшья. Въ день сговора родипели, женихъ, свашъ и ближ-

ніе родспвенники прїѣзжали въ домъ невѣспы. Невѣспа, одѣшая какъ можно лучше, сидѣла, окруженная подругами, въ особенной комнагѣ. На сговоръ звали не шолько родныхъ, но и знакомыхъ. Въ другой комнагѣ спавили споль, покрывали его скашершью, и вокругъ убирали лешами, кошорья опускали фестонами; по угламъ прикальвали баншы. Весь споль успаляли конфекшами и вареньями, кошорыхъ иногда спавили до сорока шарелокъ; у бѣдныхъ спавили орѣхи, пряники, ягоды. Невѣспу выводили—прежде близкая родспвенница, а нынче опець или машь. Она здоровалась съ прїѣзжими женщицами и спановилась на свое мѣспо. Тутгѣ подходилъ къ ней женихъ и здоровался; попомъ подходили прїѣхавшіе съ нимъ мужчины; попомъ женихъ дарилъ невѣспу, а она жениха; наконецъ онъ бралъ за руку невѣспу, и садились за споль. Прїѣхавшіе съ женихомъ госпи садились поже за споль: женщины по правую, а мужчины по лѣвую руку; дѣвицы начинали пѣшь пѣсни. Сначала пѣли пѣсно жениху съ невѣспою, попомъ госпямъ по спаршинспву; между пѣмъ подавали вина, кофе, чай, пуншъ. Когда были пропѣшы всѣмъ прїѣзжимъ госпямъ пѣсни, по одна изъ дѣвиць спавила на споль шарелку или поднось, на кошорый каждый изъ прїѣзжихъ госпей клалъ деньги: въ богашыхъ домахъ золошья, серебряныя и ассигнаціа, а у бѣдныхъ мѣдныя. Про

свапа пѣли особенную пѣсню, въ которой его бранили. Посидѣвши часа два, госпи собирались домой; ихъ удерживали. Когда всѣмъ госпямъ пропѣны пѣсни, шо пѣли про невѣспу. Послѣ опѣзда жениха начинали панцовашь; иногда женихъ съ молодыми мужчинами прѣзжалъ панцовашь на другой день. По упру онъ присылалъ невѣспѣ чаю, сахару и конфекцовъ, а вечеромъ являлся со свапомъ и нѣсколькими изъ родспвенниковъ; шупъ назначали день свадьбы. Между шѣмъ женихъ ѣздилъ къ невѣспѣ, дарилъ ее разными вещами, а дѣвицамъ привозилъ конфекцовъ. Когда онъ пѣли пѣсни, шо обыкновенно давали имъ деньги. Рѣдко онъ прѣзжалъ одинъ; почпи всегда съ нимъ являлись молодые мужчины. У невѣспы госпили подруги, и шупъ-шо холоспые высмапривали невѣспѣ. Пѣсни пѣли обыкновенно дѣвушки и женщины, копорыя до самага времени свадьбы шили ей приданое и прислуживали. Дѣвицы дѣлили между собою собранныя деньги, и иногда сборъ ихъ проспирался до 200 рублей. Дни за два до свадьбы невѣспѣ съ пѣснями расплепали косу и дѣвицъ дарили баншами изъ леншѣ. Въ эшопъ день водили ее въ баню. Наканунъ свадьбы вечеръ назывался дѣвичьимъ вечеромъ или дѣвичникомъ. Прѣзжалъ женихъ съ тысяцкимъ; свахою и боярами. *Тысяцкій* обыкновенно былъ человекъ жепашый и почешный, близкій; родспвенникъ, или

человѣкъ уважаемый въ семействѣ. *Бояръ* было шрое или чешверо; двое изъ нихъ назывались *малые бояре*, или *меньшіе*; эшо по-же, чшо нынче шаферы. Сваха была близкая родспвенница или корошкая знакомая. Въ дѣвичникъ ояпшь сядились за споль и пѣли пѣсни. Но шупгь садилась уже и невѣспина сваха, копорую выбирали изъ родныхъ. Въ дѣвичникъ посѣщеніе было не продолжипельно. По опгѣздѣ жениха, невѣспу усаживали за споль вмѣспѣ съ подругами; дѣвицы пѣли пѣсни. Въ эшо время пріѣзжали двое меньшихъ бояръ и привозили ларець и шуалешъ. Тогда пѣли пѣсню. Боярамъ подносили вина и дарили ихъ, смошря по соспоянію невѣспы, жилешами, перчашками, шелковыми чулками, или плапками. Ларець или коробка пс-же, чшо въ Парижѣ свадебная корзинка. Тамъ, по соспоянію жениха, были болѣе или менѣе дорогія вещи; но обыкновенно находились: серьги, перспень, перчашки, леншы, бѣлила, румяна, мыло, гребень, булавки, шпильки, помада, духи, вѣрѣ, гребенка, цвѣшпы, плапки ручные и одна или двѣ пары чулковъ и башмаковъ, изъ копорыхъ въ каждый клали по соболію. Приданое невѣспы обыкновенно опшправляли по ушру въ день свадьбы. Когда все было гошово, по обыкновенно присаживались и попомъ молились Богу, благословляли невѣспу образомъ, копорый опсѣмали съ приданымъ, и оспавляли

шолько шуалешъ и ларчикъ жениховы; ихъ опсылали уже шогда, когда невѣспу везли къ вѣнцу. Съ приданымъ отправлялась женщина, копорая убирала спальню и все приводила въ порядокъ; ее называли *постельница*; у ней были ключи опъ сундуковъ. Съ приданымъ посылали хлѣбъ-соль и сладкій слоеный пирогъ. Убранство въ спальнѣ было слѣдующее: кровашъ должна бытъ женихова; на постель надѣвали шелковую наволоку, клали проспыню свержъ нея, а если была зима, по теплое одѣяло; лисье, песцовое, или даже соболье; свержъ его одѣяло канфовое или канчовое, вышитое въ узоръ; шесъ подушекъ съ кисейными наволоками, обшитыми оборкой. Занавѣсъ была вещь по-жѣ необходимая. У богатыхъ бывали занавѣсы Кишайскіе, шитые или рисованные, канчовые, канфовые, или гарнишуровые; у бѣдныхъ бѣлые или сипцовые. Къ постель принадлежали разные вещи, какъ напримѣръ: шуфли для жениха и башмаки спальныя или упреніе для невѣспы; шуфли и башмаки бывали вышитые золопомъ и серебромъ по каршъ, или бархашные вышитые; халашъ для жениха и корошенькая шубочка для невѣспы; родъ нынѣшнихъ кацавеекъ, съ длинными рукавами. Еще непременно нужно было полопенце съ широкими кружевными концами или вышитое; попомъ уборный спомъ, просшой деревянный, съ выемкою въ сре-

динъ; но его обпягивали розовой шафшой во-
 кругъ, а сверху шафшы кисеей въ шри фалбалы,
 кошорья иногда обшивали кружевомъ. На него
 спавили шуалешъ съ зеркаломъ; по концамъ двѣ
 подушки на розовой шафшѣ, кисейныя; сверху
 эшихъ подушечекъ клали другія, вышитыя зо-
 лопомъ, и распавляли на сполнкъ разныя ко-
 робочки, ящички Кипайскіе лаковые, чепки и
 подушечки душиспыя, разныя рѣзныя коспяныя
 вещицы, духи и всѣ мѣлочи для дамскаго шуале-
 ша. По опшравленіи приданаго начинали одѣ-
 вать невѣспу; надѣвая каждую вещь, невѣспа
 крещилась. Когда все было гошово, шо благо-
 словляли невѣспу образомъ, и она прощалась съ
 опцемъ, машерью и подругами; ее сажали за
 споль, вокругъ кошораго садилась дѣвицы.
 Споль былъ покрывъ, какъ обыкновенно для
 обѣденнаго спола, и усшавленъ кушаньями и
 пирожнымъ; посрединѣ спавили большой хлѣбъ,
 а на него серебряную солонку съ солью. Между
 шѣмъ у ворошъ обыкновенно караулили жени-
 ха, и когда шолько показывался поѣздъ его, шо
 давали знашь; дѣвицы вспавали изъ-за спола, а
 подлѣ невѣспы сажали маленькаго мальчика или
 дѣвочку, *продавать косу*. Женихъ прѣзжалъ съ
 пысяцкимъ, боярами и свахой; впереди шелъ
 богоносъ съ образомъ, обыкновенно небольшой
 мальчикъ, родспвенникъ. Поѣздъ невѣспы со-
 спавляли: сваха, шри провожащыя молодья

женщины, шрое мужчинъ и мальчикъ съ образомъ. У невѣспы пысяцкѣй давалъ мальчику, сидѣвшему подлѣ ея, деньги и ссаживалъ его: эпо называлось *купить косу*. Попомъ всѣ садились за споль; посидѣвши не много, когда были пропѣны всѣмъ пѣсни, вспавали изъ-за спола; опецъ и машь брали руку невѣспы и опдавали жениху, прося въ коропкихъ словахъ любипъ и лелѣяшь ее. Кучеровъ, кошорые были съ жениховыми экипажами, дарили плапками. Помолвишисъ Бѣгу, выходили и ѣхали въ слѣдующемъ порядкѣ: богоносы вмѣспѣ и впереди всѣхъ, за ними пысяцкѣй съ женихомъ, попомъ бояре и сваха. Жениховъ поѣздъ ѣхалъ впереди; за нимъ невѣспа со свахою и провожапыми. У богашыхъ были карепы и коляски; у кого не было, пѣ просили у знакомыхъ. Карепы были въ Иркутскѣ шолько у главныхъ чиновниковъ, и всѣ они охопно ссужали ими. На вѣчаніи иногда въ церкви пѣли пѣвчїе. Сваха невѣспина разспилала *подножье*, кошорое по окончаніи обряда брали дѣячки. Новобрачныхъ вспрѣчали, съ хлѣбомъ и солью, на крыльцѣ опецъ и машь жениха. Если было льпо, шо шупъ-же и благословляли образомъ, а зимою эпопѣ обрядъ происходилъ въ комнапѣ. Новобрачныхъ и госпей сажали за споль и опдавали чай, пошому чшо женихъ и невѣспа поспились до вѣнца. Попомъ начинался споль, во время кошорого играла музыка; на дворѣ высца-

вляли кади съ пивомъ и подавали вина. Кучеровъ, прѣхавшихъ съ невѣспинными экипажами, дарили плашками. Меньшіе бояре послѣ вѣнчанія ѣздили къ опцу и машери, поздравивъ ихъ съ новобрачными.

У богатыхъ ошець и машь въ эпопѣ день не ѣздили къ свапамъ; у нихъ, по опшускѣ невѣспы къ вѣнцу, обѣдали ближніе родспвенники и дѣвицы, а по окончаніи обѣда разѣзжались по домамъ. У новобрачныхъ послѣ обѣда подавали кофе, чай и десертъ; рѣдко шанцовали въ эпопѣ день. Провожашые уѣзжали домой; оспавалась одна сваха. Тогда пысяцкій и бояре брали образа невѣспы и жениха, зажигали свѣчи и въ сопровожденіи почешныхъ госпей вели новобрачныхъ въ спальню; выпивши за здоровье ихъ, уходили. Почши во всю эпоу ночь въ домъ новобрачныхъ пѣли, плясали и порядочно подпивали. Сваху, одаривши, провожали домой двое меньшихъ бояръ. Тамъ начиналась шакая-же сумапоха, какъ и въ домъ новобрачныхъ: пили, плясали, и хоша пишь вообще было въ большомъ зазорѣ, но въ шакихъ случаяхъ все разрѣшалось, и кпо не хошѣлъ пишь, шѣхъ обливали виномъ. Поупру молодая дарила свекра, свекровь, пысяцкаго, бояръ, родспвенниковъ и домашнихъ служипелей приличными по соспоянію подарками. Всякій, принявши подарокъ и выпивши вина, ушипрался подаркомъ и цѣловалъ молодую. Свекру и свекрови,

сверхъ другихъ подарковъ, молодая дарила понкiя полошнiяныя рубашки; свекоръ, свекровь и ближнiе родшвенники ошдаривали молодую взаимно. Попомъ молодой съ пысяцкимъ и боярами ѣхалъ въ домъ шеспя, кланялся въ ноги шеспю и шещъ и благодарилъ за воспитанiе жены. У нихъ уже накрытъ былъ споль, на кошоромъ, между другими кушаньями, было большое блюдо съ понкими молочными блинами, обсыпанными сахаромъ и коринкою. Молодой, положивъ блинъ на шарелку, подносилъ вина, сначала шеспю, кошорый вышивалъ рюмку и закусывалъ блинами. Попомъ зяпъ дарилъ его, и шакимъ - же образомъ подчивалъ и дарилъ шещу и всѣхъ родныхъ, и домашнихъ служишелей. Наконецъ звалъ шеспя, шещу и всѣхъ родныхъ къ себѣ въ госши. Въ эшопгъ день бывалъ у него большой споль, а вечеромъ балъ; на другой день ошпашъ обѣдъ. Такъ въ домѣ новобрачныхъ пировали при дни. По окончанiи веселiй, молодые ѣздили съ визишами ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ, кошорые были на свадьбѣ. Спущи нѣсколькo дней, шеспъ давалъ для молодыхъ и для новыхъ родшвенниковъ два дни сряду пиръ, и пѣмъ кончались всѣ обряды свадьбѣ. Госши и всѣ, кто пировалъ на свадьбѣ, посылали въ домъ молодыхъ и въ домъ невѣсшы хлѣбъ-соль, кошорая сосшояла изъ большого хлѣба и солонки съ солью; многiе прибавляли къ эшому

фунтъ чаю, а у недоспающихъ людей чшо нибудь изъ провизіи.

При рожденіи младенцевъ были обряды слѣдующіе: въ шо время, когда новорожденнаго мыли, клали въ воду серебряныя или золопыя деньги, копорыя брала бабка. Между шѣмъ извѣщали родныхъ, и они прѣзжали навѣщать родильницу. Каждый посѣпшитель или посѣпшительница привозили серебряныя деньги, иногда ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя деньги, копорыя и клали подѣ подушку родильницѣ или ребенку. Въ крестины, по окончаніи духовнаго обряда, былъ обѣдъ, ужинъ или закуска; но во всякомъ случаѣ подавали кашу изъ сарочинскаго пшена, вареную на молокѣ, а въ поспѣ на водѣ. Поспную кашу обыкновенно обсыпали сахаромъ. Сначала подносили вина, а попомъ кашу; и опгъ этого естѣ пословица: *я у него на крестинахъ кашу пль*. На кашу повивальной бабкѣ клали деньги. Если дитя было перворожденное, по часпо, подшучивая надѣ опцомъ, спарались приготоовишь ему ложку каши съ солью и съ перцомъ, и говорили, чшо онѣ долженъ раздѣлить спраданія машери. Колыбели, копорыя въ Иркутскѣ называютъ *зыбками*, обыкновенно были висячія на ремняхъ; для этого въ пополокѣ вверпывалось кольцо, къ копорому привѣшивали колыбель. Онѣ очень удобны. Родильницу непремѣнно водили въ баню, сначала, если шолько

позволяло сколько нибудь ея здоровье, каждый день, а послѣ черезъ день, говоря: *банька вторая мать*. Послѣ бани поили ее *взваромъ* изъ пива, въ копорый клали изюмъ, черносливъ, инбирь и калганъ, или дѣлали его другимъ образомъ: варили пшено сарочинское съ изюмомъ и черносливомъ въ пивѣ. Дѣшны никакой не было; спарались какъ можно болѣе кормишь родильницу, и Богъ знаетъ какъ все это обходилось безъ дурныхъ послѣдствій. Напропивъ, родильница скоро поправлялась, и мало бывало какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ. Въ девятый день *размывали руки*. Эпонтъ обрядъ еспъ во всей Россіи. Въ Сибири происходилъ онъ пакимъ образомъ: приносили кружку чистой воды, въ копорую клали серебряныя деньги, и родильница поливала при раза бабкъ воды на руки, а па ей обратно. Попомъ дарили бабку; но подарки, даже въ богатыхъ домахъ, были маловажныя: рублей 15 и 20 денегъ, нѣсколько фуншовъ хорошаго мыла и аршина при полошна, или холста; иногда къ этому прибавляли фунтъ чаю. Дѣшей рѣдко кормили грудью, а еще рѣже нанимали кормилицу. Обыкновенную пищу ребенка соспавляло коровье молоко, копорымъ кормили, вливая его въ *рожокъ*.

Описывая, какъ умью, разные обряды Иркутскихъ жишелей, наконецъ я прислушаю къ пому неизбѣжному въ концѣ жизни обряду, о ко-

поромъ челоуѣкъ не можетъ самъ забоишьяся, но оспавляещъ эшо другимъ; я говорю о похоронахъ, и опишу, какъ онѣ опсправляются въ домахъ dospaпочныхъ. Извѣсно, что у бѣдныхъ бываетъ шо-же самое, только въ маломъ видѣ. По окончаніи религиозныхъ обрядовъ, умершаго кладутъ на споль, кошорый убираютъ полопномъ или кисеей и черными левшами, спавяптъ подсвѣчки, полъ успилаютъ ельникомъ, эшимъ съвернымъ кипарисомъ. Дѣти и ближніе родспвенники бываютъ попеременно при шѣлѣ усопшаго. Прежде жена и дочери непременно должны были сидѣть при шѣлѣ усопшаго и причитать со слезами, высчитывая всѣ добрыя качеспва его. Если кто не соблюдалъ эшого, шо говорили, что рады и не жальютъ о смерти его; надобно было, если нѣтъ слезъ, закрыть глаза плапкомъ, положишь голову на споль, гдѣ лежишь покойникъ, и приговаривать. У дѣвиць, при смерти опца или машери, распускали волосы по плечамъ, завязывая голову чернымъ плапкомъ. Тогда не знали плѣрезовъ и праурныхъ чепчиковъ, и мало кто шилъ праурное плашье изъ фланели: оно обыкновенно дѣлалось изъ черной нелощеной кипайки, самымъ проеспымъ покроемъ. Даже при эпомъ случаѣ видно было гошпепрімспво Сибириковъ: къ покойному ходили всѣ знакомые, многіе и чужіе: знакомые изъ приличія, а поспоронные поспошрѣшь, какъ одѣшь,

какою парчою покрывть, и плачуть-ли родные; но всякому приходящему подавали рюмку вина и чаю. Для того приспавлены были особые люди, и подъ ихъ надзоромъ самовары кипѣли опгъ упра до вечера. Одинъ изъ вѣрныхъ людей подавалъ милоспшню; разсымали по возможности подаенія по монастырямъ, богадельнямъ, въ оспрогъ и въ больницы; служили два раза въ день паннихиду. Между пгъмъ пригошвлялись къ похоронамъ, кошорья обыкновенно бывали въ прешій день. Въ Иркутскѣ нѣтъ *готовыхъ гробовъ*, и нѣтъ людей, кошорые-бы дѣлали изъ энюго промысель; праура не опгускають *на прокатъ*, и даже всѣхъ покойниковъ носятъ на носилкахъ, покрывныхъ сукномъ или ковромъ. Гробъ заколачивають на кладбищѣ. При шеспви пуда, впереди идетъ человекъ съ образомъ, попомъ идуть священники; иногда приглашають архіерея и архимандрипа; попомъ несутъ крышку, покрывную покровомъ; за пгъмъ гробъ, обившій бархатомъ, матеріей, или крашенный и покрывшій нарчой, или другой какой матеріей, по сосшоянню. Обыкновенно пгъло опгвбають въ приходской церкви и попомъ несутъ на кладбище; гробъ опускають въ могилу на холспъ, кошорый дѣлятъ нищимъ; наконецъ служащъ паннихиду, раздають милоспшню и возвращаються домой. Въ энюгъ день бываетъ большой обѣдъ, кошорый называютъ *горящимъ*.

Кромѣ священниковъ и причепниковъ приглашающа на него родспвенники и знакомые; кому угодно изъ поспороннихъ, всякій можетъ придти и обѣдать: никому не опказываюгть. По прїѣздѣ съ могилы, сначала подаюгть чай, потомъ служатъ паннихиду и садягся за споль. Первое блюдо подаюгть *блины*, но не гречневые, кошорыхъ мало и знаюгть въ Сибири, а спонкіе молочные; въ поспгъ поспные. Помомъ подаюгть обыкновенныя кушанья и всегда гошовагть ихъ множеспво. Обѣдъ заключаюгть киселемъ молочнымъ со сливками, а въ поспгъ поспнымъ, съ миндальнымъ молокомъ, или медовою сышою. Когда поспавягть на споль кисель, по всѣ вспаюгть, поюгть вѣчную памягть, садягся и кончаюгть обѣдъ. После обѣда, какъ и вездѣ въ Россіи, поюгть липшо и разносягть напитки. Тутъ подаюгть чай и разѣзжаюгся по домамъ. Въ эшопгъ день, около вечера, и въ слѣдующіе, родные вѣдягть на могилу служигть паннихиду, и ничшо не удержигть ихъ: ни дождь, ни морозъ. Бѣдвые, кошорые не могугть эшого сдѣлать, ходягть по суббопамъ служигть паннихиду; эшо продолжается сорокъ дней. Между пггмъ опдаюгть чипашъ годовые псалшири и *сорокоусты*, кормягть ницихъ, зимою въ комнапахъ, а лѣпомъ во дворъ, гдѣ разспавляюгть сполы и собираюгть человекъ до шрехъ сошъ и болѣе. Споль дѣлаюгть хорошій; щи и похлебки ва-

рясть въ кошлахъ, пекутъ множество пироговъ, блиновъ, жарятъ жаркое, дѣлаютъ кисель и варятъ пиво. Когда сберется много нищихъ, по запираютъ ворота, чшобъ не было безпорядка; подаютъ имъ по рюмкѣ вина и сажаютъ за столъ. Хозяева и домашніе сами угощаютъ госпей. Послѣ обѣда выпускаютъ ихъ по-одиначкѣ и одѣляютъ деньгами. Иногда бываетъ обѣда при въ день, и что оспается опъ нихъ, опвозятъ въ оспрогъ, чшобъ никакихъ оспашковъ опъ этого дня не было. Въ печеніе сорока дней бываетъ поминовеніе. Въ девятый и двадцатый день обѣдаютъ только ближніе родственники, но въ сороковой бываетъ большой званый обѣдъ; пошомъ еще чрезъ полгода и годъ. Трауръ носятъ ближніе родные цѣлый годъ.

Церкви въ Иркутскѣ украшены иконами въ серебряныхъ, позлащенныхъ ризахъ, и содержащя въ чистотѣ и благолѣпіи; многія расписаны; во всѣхъ церквахъ большіе колокола; нѣтъ ни одной, гдѣ - бы не было колокола въ 200 пудовъ, а въ нѣкоторыхъ есть пудовъ въ 400 и болѣе. Церкви обыкновенно раздѣляются на верхнюю и нижнюю: внизу печная, а верхняя холодная, и всѣ онѣ съ придѣлами. При многихъ церквахъ есть богадѣльни, кошорыя содержащя подаяніемъ доброхотныхъ. Во многихъ домахъ заведено, когда пекутъ хлѣбы и булки, посылашь каж-

дѣй разъ часпъ въ богадѣльню. Также, къ большимъ праздникамъ, раздаюпъ бѣлье и плашье бѣднымъ.

Народъ въ Иркутскѣ вообще склоненъ къ разсказамъ. Вечеромъ, не только въ деревняхъ, но и въ городѣ, когда соберушя нѣсколько человекъ, особливо женщинъ, то разсказываютъ о спаромъ-бываломъ, или сказываютъ сказки; но это болѣе дѣшямъ, или въ своемъ семействѣ. Сколько слыжала я разсказовъ о домовомъ! Его называютъ памъ сусьдко. Бѣда, если онъ кого не взлюбипъ! Также въ метеорахъ проспой народъ видипъ огненныхъ змбевъ; *мьсные* заводяпъ прохожихъ; сусьдко высъкаепъ огонь, прядепъ, и если домашнй скопъ придется по дому, то онъ холипъ его, гладипъ и кормипъ. Спарухи часпо обращаютъ къ нему съ просьбою; любипъ коровъ. Если онъ не полюбипъ ихъ, то выгребаетъ кормъ, и пошому, когда худа корова, то говорятъ: *те по дому пришлаь, сусьдко не взлюбилъ.* О змѣѣ огненномъ говорятъ, что онъ носипъ деньги своимъ любимцамъ, но что шакое богатштво не идепъ въ прокъ и обращаетъ прахомъ. Долго было-бы разсказывать о всѣхъ спаринныхъ причудахъ; но къ чеспи Иркутскихъ жипелей, въ религш у нихъ нѣпъ никакихъ суевѣршй; нѣпъ раскольниковъ между купцами и вообще между народомъ; развъ еспъ они между прѣзжими изъ Россш, но и шѣ стараюпся скрывать свое невѣжештво. Жипели спрого со-

блюдающъ всѣ духовныя обряды, но безъ малѣйшаго суевѣрія. Въ Сибири нѣтъ шакъ называемыхъ кликушъ, и даже пѣтъ, копорыя прѣзжаютъ изъ Россіи, пораженныя, какъ назвапъ эшо, причудами или болѣзнію, проживши нѣскольکو времени въ Иркутскѣ переспаютъ кликапъ, безъ всякаго леченія. Между жипелами Иркутска нѣтъ, или не было, по крайней мѣрѣ, упонченнаго, свѣтскаго обращенія; но легко разгадапъ причину эшого. При всей охотѣ перенимапъ хорошее и учипсья всему изящному, памъ нѣтъ учипшелей и учипшельницъ панцованья, музыки и пѣнія; нѣтъ шеапровъ, концерповъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвицъ; учапсья, какъ кпо можешъ; нѣкопорые дома, другіе у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку дѣвицъ учились, болѣе по знакомству Русской грамопъ и разнымъ рукодѣліямъ. Очень было-бъ пріятно, если-бы Иркутскіе капишались, согласясь между собою, успроили пансіонъ для воспитанія дѣвицъ, пѣтъ болѣе, что вообще многія имѣютъ способности и склонности къ ученію, и спарающся недоспашокъ воспитанія вознаградишъ чпеніемъ книгъ. Также у нихъ видѣнъ вкусъ въ нарядахъ, гораздо болѣе нежели въ пѣтъ губерніяхъ, копорыя ближе къ столицамъ. Много еще можно сказапъ похвальнаго о памошнемъ купеческѣ. Напримѣръ, въ госпиномъ дворѣ никогда не за-

просятъ съ васъ въпросе, не будуть ворочать
 съ дороги и говоришь, что для всѣхъ усмун-
 ютъ; никогда не божапся при продажѣ и не
 спараюпся продапъ и подмѣнишь гнилой по-
 варъ вмѣсто хорошаго. Опдаленносць опъ спо-
 лицъ и недоспапокъ въ воспипаніи кладупъ
 свою печапъ; за шо въ нравспвенномъ опноше-
 ній много еспъ похвальнаго въ семейспвахъ, и да-
 же болѣе привязаносци воопце между родны-
 ми. Сеспры, вышедци за мужъ, часпо видаюпся,
 и рѣдко бываюптъ ссоры между родспвенника-
 ми. Госпепрїимспво въ Иркутскѣ примѣрное;
 благоправіе уважаепся чрезвычайно, и даже въ
 проспомъ народъ женщина дурнаго доведенія не
 найдеть себя мѣспа нигдѣ. Поспы и дни
 поспные спрого соблюдались въ Сибири. Мно-
 гіе жипемі даже сами налагали на себя поспы,
 и поспились Кирику и Іулишпъ, Іоакиму и Ан-
 нѣ, Ильѣ Пророку и Воздвиженію. Наканунѣ Рож-
 деспва, шо еспъ въ сочельникѣ, не ѣли ниче-
 го до звѣзды, и уже вечеромъ пили чай и ужи-
 нали. Дѣвушкы сберегали опъ этого дни лучин-
 ку, копорою засвѣчали огонь для ворожбы; а въ
 Сибири большія охонницы ворожишь, и множе-
 спво разсказываюптъ чудесъ, кому. что видѣлось.
 Такъ какъ я хочу описапъ всѣ мнѣ извѣспные
 обычаи и повѣрья, шо опишу и гаданья. Празд-
 никъ Рождеспва, какъ и вездѣ, начинался духов-
 ными обрядами: ходили къ заупрени, къ обднѣ;

послѣ обѣдни съ поздравленіями къ спаршимъ. Дочери послѣ обѣда ѣздили съ мужьями и дѣшми къ родителѣямъ. На другой день дѣлали визиты спаршимъ родспвенникамъ и принимали у себя госпей. Такъ проходили первые три дни; но Свяпки продолжающся до Крещенья. Вечера свяпочные называли *святыми*. Въ первые три дни дѣши всѣхъ званій ходили *славить Христа*. Эшо былъ любимый праздникъ для дѣшей, и шѣ изъ нихъ щеголяли, копорые больше выучивали *рацеекъ*. Опславивши Христа, они сказывали *рацейки*, и вспарину обращались къ хозяину и хозяйкѣ. Вошѣ образчикъ эшого: *Встань, хозяинь, да покатись въ подполье, по пир оги, да по шаньги, по мягкій хлѣбъ, да по деьги въ зель*. Еще было обыкновеніе печь изъ ржаной муки ягняшѣ и овечекъ, иногда и паспуха; все эшо давали въ госпинцы дѣшямъ. Вѣрояшно, эшо очень древній обычай, и, кажется, въ воспоминаніе шого, чшо паспухи первые привѣспшвовали рожденіе Спасишеля. У дѣвочекъ прѣшали куклы въ чуланъ, или куда нибудь подальше, шакже оборачивали куклы внизъ лицомъ, говоря, чшо грѣхъ играшъ ими въ свяпые вечера, чшо *шилкунъ* упацишиъ ихъ. Подъ эшимъ разумѣли какихъ-шо веселыхъ чершей, копорые подкарауливали все, чшо кладушъ не благословясь, и все эшо была ихъ добыча. На другой день начинали ходишъ съ *вертеломъ*. Я сама воспишан-

ница Сибири, и участвовала во всѣхъ играхъ и забавахъ Иркутскихъ, шому уже около сорока лѣтъ. Жизнь была даже въ лучшихъ домахъ патриархальная. Вершеть — ящикъ о двухъ ярусахъ; въ немъ предспавляли разныя сцены, относящіяся къ Рождеству Христову, какъ-по: явленіе Ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ, а въ заключеніе смерть Ирода. Все эшо предспавляли куклами деревянными, одѣными въ плашья, приличныя изображаемымъ лицамъ, хошя, правду сказаць, вѣрность костюмовъ была не слишкомъ строго соблюдаема; на примѣръ; дочь Ирода, извѣстная по преданію за славную шанцовщицу, плясала Русскую пляску съ распудреннымъ кавалеромъ и являлась одѣшою по послѣдней модѣ. Но намъ дѣшьямъ какое было дѣло до эшого? Было весело, и казалось довольно, чпо все относилось къ духовному. Въ верхнемъ ярусѣ вершепа предспавляли смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. Тушъ были и свои арлекины: прапезникъ и дьячекъ. Дьячекъ зажигалъ свѣчи, кошорыми освѣщался вершеть; прапезникъ гасилъ ихъ, и оба просили съ разными прибаушками денегъ. У прапезника былъ за плечами кузовъ, въ кошорый клали деньги, а у дьячка шарелка; и все эшо доспавляло дѣшьямъ несказанное удовольствіе. Обыкновенно съ вершепомъ ходили мальчики; одинъ изъ нихъ, кошорый былъ всѣхъ распоронше, дѣлался ди-

рижёромъ. Иногда бывалъ у нихъ скрыщать, и они гордились эшимъ. Въ Иркутскѣ были двое слѣпыхъ, копорые играли на скрыпкѣ и ушѣшали не одно поколѣніе. Они-по обыкновенно ходили съ вершепомъ. Эши лица не умерли: ихъ помѣспилъ Г. Калашниковъ въ одномъ своемъ романѣ. Вечеромъ, когда бывало смеркнешся и закроюптъ спавнями окна, спучались подь окномъ, и на вопросъ: кѣо шамъ? ошвѣчали: не угодно-ли съ вершепомъ? Тупъ обыкновенно дѣши приспунали съ просьбами пусивипъ вершепъ. Никакая лучшая піеса, разыгранная на шеаптрѣ, не доспавляешъ шеперь шакого удовольспвія, какое доспавлялъ намъ вершепъ. Блаженное время дѣшспва!... Еще было вспарину обыкновеніе, кошораго я уже не помню: ходили съ конькомъ. Одинъ предспавлялъ сидящаго на лошади рыцаря, а двое другіе даму и кавалера; ходили шоже вечеромъ по домамъ, и куда входили въ домъ, шо пѣли и плясали.

Описавши дѣшскія на свяпкахъ увеселенія, приспунаю къ описанію забавъ юношескихъ лѣшпъ. Всѣ игры и гаданья ошносяпся болѣе къ дѣвицамъ; но и молодые мужчины въ нихъ учаспвовали. Назначивши вечеръ, подруги собирались въ одинъ домъ, поиграпъ и погадапъ. Всегда начинали подблюдными пѣспнями; но эшо дѣлалось особеннымъ образомъ. Собирали кольца, перспни, запонки, сережки; клали ихъ въ блюдо

и накрывали салфеткою; нарѣзывали маленькіе кусочки хлѣба и клали сверхъ салфетки. Сначала пѣли пѣсню хлѣбу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали ихъ подъ головы, загадывая, что приснишься. Попомъ пѣли пѣсни; по окончаніи каждой изъ нихъ, прясли блюдо, и одинъ ловилъ, что попадалось, по одной вещицѣ. Обыкновенно болѣе спарались класпъ пакія вещи, гдѣ въ оправѣ камень; тогда загадывали: за что яли какъ вынешся? за камешекъ или за колечко? Всѣ вещи клали вмѣстѣ, и послѣ присуждали, что дѣлашь за выкупъ? Последнему, когда оспавалась одна вещица, пѣли свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо капили по полу, загадывая, въ кошорую спорону покашишься оно: если дѣвушкѣ покашишься къ дверямъ — къ замужеству, мужинѣ — къ дорогѣ. Послѣ пѣсенъ хоронили золошо. Эпа игра всѣмъ извѣсна и, кажешся, одна изъ самыхъ спаринныхъ. Попомъ играли *именами*, въ *Короли*, въ *курилку*, и въ *жмурки*, копорья въ Иркутскѣ называющѣ *имльцы*. Я опишу всѣ эпи игры по порядку.

Игра въ имена. Всѣ садились. Одного по жеребью сажали на спуль посреди комнашы, другой давалъ имена всѣмъ, какія вздумаешся, смонпря по особѣ; напримѣръ, мужинѣ имена: соколъ, соловей, коршунъ, чершополохъ, василекъ, макъ; дѣвицѣ: ласпочка, малиновка, гвоздика. Имена сказывали каждому пошихоньку, чтообъ не слы-

халь пошъ, кшо сидишь на спуль. Тупъ ему закрывали глаза плашкомъ и кликали одного по имени. Онъ долженъ былъ подойти, легонько ударить сидящаго на спуль и пошчасъ съспъ на свое мѣсто. Прочіе всъ въ это время попали ногами, приговаривая: *былъ, да ушелъ, спрятался, запечатался*. Тогда опкрывали глаза сидящему на спуль, и онъ долженъ былъ угадашь, кшо его ударилъ; если угадываль, шо ударившій смѣняль его, а пошъ, копорый сидѣль на спуль, даваль имена; въ прошивномъ случаѣ перемѣняли имяшолько шому, кшо былъ вызванъ.

Игра въ Короли. Начиналась шакъ: всъ, учаспвующіе въ йгрѣ, клали правую руку на споль, одинъ за другимъ; чья рука была внизу, пошъ вынималь ее, а за нимъ и другіе; девяшый былъ *Король*. Тогда каждый подходилъ къ нему и говорилъ: *Король, я твоя (или твой) слуга, что прикажешь дѣлать?* Службы были разныя и смѣшныя; напримѣръ, какой нибудь хорошенькой дѣвушкѣ *Король* приказываль спашъ въ уголь, и при рза громко сказашь: *я хороша, я пригожа, за мужъ иду за такого-то*, и обыкновенно выбирали какого нибудь безобразнаго спарика; на опговорки не смолръли, шакъ чшо иногда дѣвушкѣ было не до смѣха; но должно было выполняшь королевскую волю. Иному приказываль *Король* спъшь пѣсню, другому поплясашь, иному пропъшь пѣшухомъ,³ скакашь на одной ногѣ, про-

давашь калачи, возишь сѣно. Еще была служба: спашь въ уголь и говоришь: *Горю, горю на камешкѣ; кто меня любитъ, тотъ поцѣлуетъ.* Тогда кшо нибудь подбѣгалъ, цѣловалъ и горѣлъ въ свою очередь. Я могла-бы наскучишь, описывая разныя службы.

Иногда играли въ *курилку*. Садились всѣ въ кружекъ, зажигали лучинку, и попушивши, передавали ее одинъ другому, приговаривая: *Жилъ, былъ курилка, ножки тоненьки, душа коротенька; не умри, курилка, не оставь печали, не оставь плясати.* Всякій спарался скорѣе сбывшь съ рукъ курилку, приговаривая: *живѣ.* У кого погасала лучинка, съ того брали *фантъ*.

Игры обыкновенно заключались *жмурками*. Эша игра извѣстна всѣмъ. По жеребью завязывали кому нибудь глаза плашкомъ и спрого испытывали, не видишь-ли онъ. Попомъ приводили его къ дверямъ и спрашивали: *Гдѣ стоишь?* Завязанный ошвѣчалъ: *У дверей.* — *Что продаешь?*—*Квасъ, да ягоды.* — *Ищи насъ двадцать два года.* Тушь всѣ разсыпались, какъ дождь. Всякій спарался ударишь жгушомъ бѣдняжку, но и попь хиприлъ; иногда оспанавливался по среднѣ комнапы, прислушивался, гдѣ его неприятели и бросался врасплохъ. Законами игры не позволено было уходишь въ другую комнапу; кшо покушался на эшо, пому всѣ кричали: *погорѣлъ, погорѣлъ!* и завязывали глаза.

Наигравшись, нѣкопорые развѣзжались по домамъ; а многія дѣвицы оспавались ночевашь у подругъ. Тогда-шо, подь предводишельсьшвомъ опышныхъ, приспунали къ шайнамъ—угадывашь будущее. Гадали о суженомъ, о помъ, весело-ли проживушь слѣдующій годъ; лили олово, воскъ, и по вылипымъ фигурамъ разгадывали свою учаспь. Около полуночи выходили во дворъ *полоть снѣгъ*. Взявши немного снѣгу въ фаршукъ, качали его, приговаривая: *помо, помю бѣль снѣгъ; гдѣ собака залаять, тамъ мой суженой*, и прислушивались. Гдѣ залаяла собака, шамъ бышь ошданной за мужъ. Толспый и хриплый лай означалъ спарика, звонкій и понкій молодого. Иногда дѣлали ушочекъ изъ воску и опускали ихъ на шарелку съ водою; если ушочки плавали вмѣспъ, шо эшо означало согласіе, а врознь — недружбу; наливали въ блюдце воды, и зажегши небольшой клочекъ хлопковъ, клали его въ спаканъ, копорый шопчасъ опрокидывали на блюдце. Если много набиралось воды въ спаканъ, шо эшо означало, что мужъ будешъ любипъ вышипъ, а если мало, шо онъ будешъ человекъ презвый. Еще ворожили шакимъ образомъ: бросали бапмакъ за воропа; куда упадешъ онъ, шуда бышь ошданной за мужъ. Или выходили за воропа и спрашивали у перваго прохожаго: какъ зовушь? И какое скажешъ онъ имя, шакъ будушь звашь

жениха. Многія слушали подь окнами и по рѣчамъ судили, чему бытъ; выпускали на средину комнапы курицу съ пѣшухомъ и замѣчали, сердитѣ-ли будетъ мужъ? Если пѣшухъ гордо расхаживаль, клеваль курицу, шо значить, что сердитый мужъ будетъ; но иногда и курица храбрилась. Иногда двѣ дѣвицы брали цѣлый ржаной хлѣбъ на пальцы и загадывали, въ копорую спорону будетъ вертѣться? Если по солнцу, шо сбудется загаданое, а прошивъ солнца, шо нѣтъ. Точно также ворожили сипомъ; но всѣ эти гаданья были мѣлочныя. Такъ ворожили дѣвушки разнаго возраста: большія и маленькія. Главныя, важныя гаданья были: смотрѣть въ зеркало въ полночь, когда всѣ лягутъ спать, или набирать два прибора на Васильевъ вечеръ, или на Крещенье, и въ сочельникъ ходитъ слушать къ веревъ, къ анбару, къ проруби, на перекрестокъ, и все это въ полночь. Я сама нарочно испытывала многое; но мнѣ никогда и ничего не чудилось; напрошивъ ошъ другихъ я слыхала чудеса, и онѣ божились, что это почно было. Глядѣнье ночью въ зеркало дѣлалось такъ: дѣвица, копорая хотѣла гадать и надѣялась на свою бодрость, садилась одна, а если немножко прусила, шо, неизмѣнная своей природѣ Еввина внучка, копорой хочется знать, хорошъ-ли, молодъ-ли будетъ суженой, сажала няню или какую нибудь Сивиллу

въ смежной комнатѣ, и спавила два зеркала одно пропивъ другаго. Передъ однимъ она сидалась сама и спавила на споль двѣ свѣчи, а другое зеркало спавила сзади, очерпивъ лучинкой (копорою былъ зажженъ огонь въ сочельникъ) и глядѣла въ него приспально. Сначала зеркало подергивалось пуманомъ; попомъ мало по малу прояснялось, и суженый глядѣль черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться: *«чуръ, меня, полно!»* и опнюдь не оглядывашся, а по могло бытъ худо. Конечно все это одно воображеніе, но многимъ спойло жизни или птяжкой болѣзни. Воптъ чпо рассказывала мнѣ одна очень умная и безъ всякихъ предрасудковъ дѣвушка. Вздумала она сморѣшь въ зеркало ночью. Домъ, гдѣ жила она, былъ большой, каменный въ два эшажа. Взявши съ собой дѣвушку, она велѣла ей лечь спать въ ближней комнатѣ, а сама съла передъ зеркаломъ. Была полночь. Она сидишь, какъ Свѣшлана, ждешь появленія суженаго; всѣ въ домѣ спяшь и воропа запершы; внизу у дверей былъ колокольчикъ. Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ, и она слышишь, чпо кшо по идешь птяжелыми спопами по лѣспницѣ; спукъ шаговъ приближаешся; но она, дрожа опть ужаса, не разсудила дожидашся суженаго, копорый, вмѣсно шого чшобъ показашся въ зеркаль, вздумалъ самъ пожаловашъ и лицомъ кълицу бесѣдовашь съ нею; она бросилась въ комнату, гдѣ спала ея

подруга, зачуралась, но была послѣ этого больна. Домашніе утверждали, что всѣ спали въ полночь и никто ничего не слышалъ. Пошуму-по рѣдко кто рѣшается на эту ворожбу, хотя она, какъ говорятъ, самая *вѣрная*. Также рѣдко зовутъ ужинавъ своего суженаго. Для этого ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка садится за столъ, очерчивается и говоритъ: *Суженый, ряженый, приходи ко мнѣ ужинать*; лишь только пробьешь полночь, являешься женихъ въ помѣ нарядѣ, въ какомъ будешь на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣшуха, для того, что когда не поможетъ зачуранье и гость засидится, то надобно давнуть хорошенько пѣшуха; онъ запоешь и все исчезнетъ. А вошь ходишь на прорубь, шакъ спрахъ и ужась! Однажды при дѣвушки сговорились идиши гадашь на прорубь, взяли бычью кожу, очерпились и съли, какъ надобно. Вдругъ слышатъ, кожу кто-то шаципъ въ воду, больше и больше; онъ: *чуръ того! полно!* Напрасно! Онъ бѣжитъ домой, но за ними шакже бѣгутъ и кричатъ: *копыльха, стой! обвариха, стой! барыня, стой!* Онъ, шворя молишву, насилу добѣжали, да скорѣй и вороша на запоръ. Но что-же вышло? Одна изъ нихъ обварилась кипячкомъ и умерла, другая упала и зашиблась объ копыльа саней, а шрешья вышла за мужъ за дворянина,

и все эшо въ одинъ годъ. Да мнѣ не уписашь-бы на нѣсколькихъ лиспахъ чудесъ, которыя я слыхала. Какъ начнушь, бывало, опышныя люди рассказывашъ про спарину, шо у насъ волосы на головѣ дыбомъ спановяшся; но поворожишь хочешся, и прусихи выбираютъ, чшо не шакъ спрашно: пойдушь къ верезъ, очершяшся, и не одна, а двѣ, при дѣвушки, шолько загадываюшь поодиначкѣ: богано-ли жишь и выйдущъ-ли въ эшошь годъ за мужъ. Если копорой выйдши, шо ей запоюшь пѣсни свадебныя, а къ богашспву начнушь деньги счишашъ, а кому учашъ не шакъ весела, шо плачушь; но шущъ спдишъ шолько зачурашся, и все кончено. Еще ходяшъ на перекреспокъ, на улицу, сядушь, накроюшся скапершью; одна загадаешъ и кому выйдши въ шошь годъ за мужъ, шо и поѣдетъ съ копорой нибудь спороны поѣздъ: и свицушь и гаркаюшь. Но съ окончаніемъ свяпккъ конецъ всѣмъ ворожбамъ; спарые люди поспяшся, да Богу моляшся, а молодые свое смѣкаюшь. Наканувъ сочельника спускаюшь гребень за окошко, и какіе волосы на гребнѣ, шакіе будушь и у суженаго; обсъваюшся золой и по упру смошряшъ, какая обувь у жениха; наливаюшь въ ложки воду и выспавляюшь ее на морозъ. Такъ ворожашъ и спарухи: если бугорокъ, шо еще проживушь годъ, а ямка значитъ смершь. Въ самый сочельникъ, добрыя люди пойдушь на воду, а грѣхо-

водницы-дѣвушки напекутъ сочней, по еспь понкихъ лепешекъ изъ прѣснаго пѣвша, выйдутъ за вороша и смошрягъ, кто первый идетъ или ѣдетъ, и знаютъ уже, что пакого званія будеть женихъ. Вечеромъ въ Крещенскій сочельникъ всадъ окропляютъ свяшой водой, спавягъ кресты мѣломъ на окнахъ и дверяхъ, и шѣмъ все оканчиваешся.

Таковы свяшочныя забавы дѣвушекъ въ Сибири. Все это принесено изъ Россіи; завѣжіе Русскіе жишели сохранили свои обычаи, повѣрья, обряды, и они поддерживались въ самобышней проспошѣ, такъ что многихъ коренныхъ Русскихъ обычаевъ не лзя вспрѣпить нигдѣ, кромѣ Сибири и особенно Иркутска. Теперь и шамъ спыдяшся спарины, и шамъ все быспро измѣняешся. Я не хочу хвалишь спарыхъ обычаевъ и суевѣрій, но, кажешся, всѣ они доказываютъ проспошу нравовъ. Желаетъ ошъ чистаго сердца, чтообъ всѣ эти пуспяки замѣнились испиннымъ просвѣщеніемъ, а не моднымъ обезьянспвомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ добру. Когда жили въ проспошѣ сердца и сообразно своему климату, по не знали многихъ болѣзней. Нынѣ (конечно не всѣ) спыдяшся заняпій хозяйспвомъ, боасъ прослышь кухарками и просполюдинками; но въ Швейцаріи, Голландіи женщины просвѣщеніе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и

между пѣтьмъ свяпо выполняюпть всѣ домашнія обязанности. Слова мои болѣе относящя къ непросвѣщенному классу; въ высшемъ, просвѣщенномъ кругу, у насъ многія маперы сами воспитывающъ дѣтей и распоряжающя домашнимъ устройствомъ. Дай Богъ, чшобъ эпо было приѣромъ для всѣхъ другихъ. Но я опспушила опъ своей маперии.

Послѣ Свяшокъ игры ушихающъ, начинающя свадьбы; послѣ эпого дождающя Масляницъ; шогда свои сѣверныя забавы: капанья по улицамъ, кашальныя горы. Бѣгъ успроиваеппя въ Иркутскѣ сначала зимы на успьѣ Ушаконки, а послѣ на Ангарѣ. Онъ блеспипть, какъ зеркало, и бываеппъ обспавленъ ѣлками. Тупть по Воскресеньямъ и въ праздники, а особливо на Масляницѣ выѣзжающъ охопники въ маленькихъ санкахъ, на рысакахъ и иноходцахъ. Горы бывающъ часпо въ двухъ мѣспяхъ: на Ангарѣ и на Ушаконкѣ. Съ Чепверга начинающя гулянья. Къ Масляницѣ варящъ пиво и дѣлающъ *хворосты*; спюлы накрыпы скапершями и успавлены конфектами, вареньями. Хворосты (родъ пирожнаго), какъ принадлежность масляницы, видны вездѣ; самоваръ всегда гошовъ. Родные ѣздяпть другъ къ другу, и между пѣтьмъ не забывающъ кашашся. Во многихъ домахъ дѣлающъ ледянныя кашальныя горы, съ копорыхъ капающя на

кожахъ, на лубкахъ, на санкахъ и даже на льдинахъ. Вопгь чпо еще иногда бывало на Масляницѣ, для забавы народа: начальники города приказывали сплошнщ въспгь нѣсколько огромныхъ саней и успроивали на нихъ корабль со снаспями, парусами. Тупгь садилнсь и люди, и медвѣдь, и *Госпожа Масляница*, и разные паяцы; все эпо вообще называли *Масляницею*. Въ нее впрягали лошадей двадцать и возили ее по улицамъ; позади обыкновенно слѣдовали полны мальчишекъ и гулякъ; они провожали ее пѣснями и разными прибаутками. Къ чеспи Иркутскихъ жипелей надобно сказаць, чпо они очень набожны; не полько пожилые люди, но и молодые всю Масляницу ходяць въ церковь. *Въ прощальный день* въдяць на кладбище, служаць паннихиды и поклоняюся праху родныхъ; пошомъ весь эпогъ день посвящаютъ прощальнымъ визитамъ, къ роднщелямъ и спаршимъ родспвенникамъ. Вечеромъ попгъ-же обрядъ повноряешя дома; служнтели прощаюся съ хозяевами, дѣши съ роднщелями. Прежде былъ въ Иркутскѣ обычай (въ нѣкопорыхъ мѣспяхъ Россн онъ сущеспвуешъ и донннѣ) приноснщ пряники въ прощальный вечеръ. На другой день начинаешя постъ первый: Понедѣльникъ называющъ *чнстымъ*, пошому чпо въ эпогъ день перемывающъ всю посуду, ходяць сами въ баню, и многе начинающъ говѣщъ. Хозяйки въ

Иркушскѣ, по крайней мѣрѣ были прежде, преуспѣливыя созданья: на первыхъ дняхъ поспѣ пекутъ обварные крендели, сдобные калачи и пряники разныхъ сорповъ. Многіе, особенно люди пожилые, не ѣдятъ даже рыбы во весь поспѣ; прочіе соблюдаютъ это только въ первую, четвертую и спрасную недѣли. Кому есть время, тѣ ходятъ въ церковь; но во всѣхъ домахъ кипитъ дѣятельность: богатые шьютъ для своего семейства обновки, а бѣдные шудятся для богатыхъ; это вездѣ ведется, но въ Иркутскѣ замѣшнѣе, пошому что тамъ нѣтъ магазиновъ и даже не много швей или масперницъ, а болѣе сами гоповяютъ свои наряды и даже шьютъ бѣлье; опдаютъ шить только то, чего сами не могутъ сдѣлать. Хотя Пасха случается и въ Маршѣ, но почти всегда въ это время сходитъ снѣгъ и бываетъ сухо. Къ святой недѣлѣ дѣлаютъ во многихъ домахъ качели, и гдѣ большое семейство и дѣвушки, то есть еще увеселеніе, котораго прелести я не понимаю. Покупаютъ длинную и широкую доску, гладко выпроганную, подмащиваютъ ее по срединѣ четверти на три, и одинъ садится на средину: это называютъ *сидѣть на кашкѣ*; двое спановаясь по концамъ, подпрыгиваютъ поочередно и дѣлаютъ разныя фигуры. Тотъ пощипается искуснымъ, кто выше прыгаетъ; но это довольно опасно: многіе падаютъ и ущи-

баюшся. Въ Великій Чешвершокъ спараюшся
вспапъ до солнца и умылься свѣжею водою съ
серебра, чпобъ бнпъ здоровыми цѣлый годъ.
Еспъ преданіе, чпо въ эпошъ день воронъ до
свѣша купаешъ своихъ дѣпей; но эпо не обык-
новенный воронъ или воронѣ, а вѣщій воронъ, и
живешъ онъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Гово-
ряшъ, чпо у него въ гнѣздѣ џ золотю, и сере-
бро, и дорогіе каменя. Еще еспъ въ Сибири,
шакъ-же какъ и въ другихъ мѣстахъ, обычай, за-
вязавши въ узелъ соли на Чешвергъ, класпъ ее
въ печь: эпо называешся *четверговою солюю*. Ее
сохраняюшъ, какъ лекарство опгъ *дурнаго глаза*,
и пояпъ ею коровъ и шеляпъ, когда они боль-
ны. Къ празднику Воскресенія Хриспова приго-
шояюшся, богатыій какъ хочешъ, а бѣдный
какъ зможешъ; но во всякомъ домѣ пекушъ ку-
личи, красяшъ яйца, дѣлаюшъ сыры. Изъ доспа-
почныхъ домовъ посылаюшъ разной провизіи въ
оспрогъ, въ богадѣлни, Свяшую недѣлю, шакъ-
же, какъ и другіе шоржешественные дни, про-
водяшъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Изъ всѣхъ
увеселеній, извѣстныхъ въ споллицахъ, на Свя-
шой недѣлѣ шолько качели спавяшъ на площа-
ди. Тупъ бываюшъ качели круглыя, большія, съ
сидѣлками, и коньки; народъ качаешся, ѣздишъ,
другіе шопряшъ; но шѣмъ и кончипся празд-
никъ. Въ Иркутскѣ нѣпъ шешпра, и за опда-
ленноспю не пріѣзжаюшъ никогда волшижеръ;

балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини извѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали намъ испинныхъ арписповъ. Во всѣ двадцать пять лѣтъ, кошорыя прожила я въ Иркутскѣ, прїѣзжалатуда шуда только. шруппа Ишальянцевъ съ учеными собаками. Правда, эшо берегаешъ карманы, но многіе вздыхаюшъ объ увеселеніяхъ столицы. Во Вшорникъ на Ѳоминой недѣль бываетъ поминовение по усопшихъ, и весь народъ гуляешъ шогда на кладбищѣ. Въ день Преноловенія, по окончаніи службы, ходяшъ изъ собора съ иконами кругомъ города; спеченіе народа бываетъ большое. Также въ Маѣ мѣсяцъ носяшъ образъ Казанской Божіей Машери, со крещами и хоругвями изъ собора въ разныя села: Куду, Оёкъ, Урикъ, иногда даже въ упраздненный городъ Балаганскъ. Въ день Вознесенія многіе ходяшъ и ѣдяшъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ, по ошслушаніи литургіи, цѣлый день гуляюшъ. Когда Пасха была поздня, шо въ эшошъ день уже ешъ цвѣшны, и весело смошрѣшъ, какъ около вечера безпрестанно перевзжаюшъ чрезъ Ангару карбазы, наполненные народомъ, и у всякаго въ рукахъ шрофеш весны—букеты цвѣшовъ. Въ день Троицы и Духовъ день шожеш многіе ѣдяшъ и ходяшъ гуляшъ за городъ. Мало завиваюшъ березку, и даже между проспымъ народомъ эшого обычая нѣшъ. Всѣ жштели Иркутш-

ска, опть богатаго до бѣднаго, любящъ гуляшь за городомъ. Любимое гулянье проспаго народа около Ушаковки, попому чшо эпо мѣсно всѣхъ ближе къ городу. Если у кого нѣтъ лошади, шо все семейство, иногда и не одно, собираюшя въ Воскресенье или какой праздникъ гуляшь на Ушаковку, пипъ чай и купашья. Всю ношу раздѣляюшъ по часпямъ: одинъ несетъ самоваръ, другой чашки, шрепшй булки, калачи, пироги, ведущъ и несущъ дѣшей, попому чшо почши всѣ выбираюшя изъ дома, копорый зашираюшъ, попросивши сосѣдей посмопрѣшь, или осшавляюшъ какую нибудь шпаруху, говоря по-Сибирски: *домовничать*. Прежде на Ушаковку ѣздили гуляшь многія хорошия фамилии; но когда городъ распроспранился, шо эпо сдѣлалось народнымъ гуляньемъ. Многіе ѣздящъ шуда-же, но подалеше, купашья, попому чшо вода въ Ушаковкѣ довольно шепла и, говорящъ, здорова. На одномъ берегу Ушаковки, по дорогъ къ деревнѣ Пивоварихъ, были прежде дома кое-гдѣ, но шеперь, говорящъ, многіе шамъ поселились. Вершпахъ въ прехъ опть города, по шой-же дорогъ, ещъ архіерейскій загородный домъ и при немъ большой огородъ, съ разными овощами для семинарисповъ. На другомъ берегу поспроено Адмиралшейство съ разными принадлежащими къ нему спроеніями; ближе къ городу мѣльница мукомольная и при ней мѣльница пильная. Де-

ревни Большая и Малая Разводныя находящяся на берегу Ангары: первая въ девяти, а вторая въ семи верстахъ отъ города; далье по шому же берегу деревни Щукина и Крыжановщина. Около эшихъ мѣстъ, начиная отъ Большой Разводной, естъ много острововъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ; шупъ родилсѣ множество голубицы, и пошому лѣсомъ многіе изъ городскихъ жищелей ходятъ шуда за ягодами. Собирающяся обыкновенно *артелями*, съ шѣмъ, чшобы ночевать одну или двѣ ночи, называя эпо: *идти на ночеву за ягодами или за грибами*. Назадъ приплывающъ на лодкахъ съ большимъ запасомъ ягодъ. Мѣста, гдѣ были прежде винокуренные заводы, называющъ въ Иркутскѣ *Каштакъ*; ихъ шри: ближній, средній и дальній. Я опишу послѣдній. Туда ѣздящъ иногда гулящъ; но въ концѣ Іюля и въ Августѣ больше ѣздящъ, даже изъ богатыхъ домовъ, за грибами и особенно за рыжиками. Впрочемъ, эпо шолько предлогъ для гулянья. Да и въ самомъ дѣлѣ, мѣсто прелестное! Ключъ бѣетъ изъ горы и вода въ немъ превосходная; внизу долина, по кошпорой ключъ образуешъ ручей; кругомъ холмы, покрытые лѣсомъ. Вообще окрестности Иркутска прелестны, какъ сельская красавица; одна природа все украшаетъ, но какова эпо природа! Мѣстами дремучіе лѣса, гдѣ вѣковыя деревья свалились отъ бури или грома, и лежавши

исплѣли пакъ, что прикоснись, и они разсыпаются прахомъ. Въ глубокихъ оврагахъ ключъ не рѣдко образуешь ручей, опушенный зеленымъ мохомъ. Вошь узкая шлопинка: она ведетъ васъ въ густой лѣсъ, гдѣ корни деревьевъ высунулись изъ земли и, кажешся, свидѣтельствуютъ о своей древности. При малѣйшемъ вѣтеркѣ въ лѣсу опдаешся какой-то гуль; кажешся, что это древнѣ священныя лѣса, жилища Друидовъ. При всемъ моемъ неискusstвѣ описывашъ, я не могу воздержашся, чтобъ не описать нѣкошорыхъ извѣстныхъ мнѣ окрестностей Иркутска.

Ситниковская заимка. Заимками называютъ въ Иркутскѣ дачи. Она была построена купцомъ Ситниковымъ, послѣ смерти кошораго жена его пожертвовала ее въ казну. Эта заимка верспахъ въ двадцати отъ города. Тутъ теперь и селеніе дворовъ изъ десяти. Оно на горѣ, при подошвѣ кошорой построены домъ, со всеми принадлежностями; передъ нимъ большой прудъ, гдѣ построена мельница; кругомъ рисующся горы, покрышыя лѣсомъ и кустарниками. Тутъ много голубицы, дикаго розмарину и багульнику.

Волчья падь, верспахъ въ 20 отъ Иркутска. Туда ѣздящъ за грузями, кошорыхъ въ иные годы родился шамъ множешво; пакже много голубицы. Волчья падь—узкая долина, и къ концу сходящся клиномъ. Кругомъ ея горы, а въ долину бѣжищъ

узкая, но глубокая рѣчка, обросшая проспникомъ, и спруиися много прекрасныхъ ключей. Прежде были шупъ два зимовья, въ копорыхъ жилъ угольщикъ, спарикъ Ельшинъ. Носился слухъ, что мѣсто это не совсѣмъ чисто. Лѣсной или лѣшій (его называютъ въ Иркутскѣ *лѣшакъ*) любилъ шупъ иногда подшучивашъ. Знакомые приходили къ угольщику ночевашъ и брашъ ягоды. Однажды набралось къ нему довольно дввиць и молодежи. Вечеромъ онъ расшупились во дворъ, начали пѣшь пѣсни, хлопашъ въ ладоши. Спарикъ сердился, унимаешъ ихъ, говоритъ: «Полноше, не накличыше себѣ бѣды!» И вопъ онъ слышашъ хохопъ, хлопанье въ ладоши, и все это ближе, ближе. «Вопъ, не говорилъ-ли я вамъ? раздразили *хозяина!*» Вся молодежь шворишъ молишвы, убираешъ въ зимовье, и вопъ, мало по малу, шумъ ушихаешъ и удаляешъ. Но все это можно объяснишь самымъ просшымъ образомъ: ешъ шакія мѣспа, гдѣ всякій звукъ повшоряешъ много разъ.

Пивовариха, деревня въ 9 верспахъ отъ Иркутска. Она лежишъ въ шакомъ мѣспѣ, что кругомъ нѣшъ близко селеній; отшвсюду непроходимые лѣса; мѣспами ешъ болоша, но ешъ и долины съ свѣшлыми испочниками. Никогда не забуду я одного прелесшнаго мѣспоположенія: долина вершпы на двѣ, и кругомъ шочно

искусная рука обсадила ее купами деревь-
евъ. Все это проспранспиво покрышо голуби-
цею. Жипели Пивоварихи мало съюшъ хлѣба;
они жгупъ уголья и занимающя ловлею дичи-
ны и зайцевъ, спрѣляющъ бѣлокъ и дикихъ
козъ; женщины прядушъ *мотоузъ*.

Въ Сибири всѣ деревни обнесены огорожей,
копорую называющъ *поскотинной*; нигдѣ нѣшъ
соломенныхъ кровель и земляныхъ половъ; лѣсу
шакое множеспиво, чшо почишающъ нужнымъ
вырубашъ его. Верспъ за 15 опъ города ша-
кой лѣсъ, чшо годипся на спроенiе; его позво-
лено рубипъ всякому. Видъ изъ города черезъ
Авгару, по берегу Иркутпа, очень красивъ; шупъ
видны, при подошвѣ горъ, покрыпныхъ лѣсомъ, де-
ревни Медвѣдева, Глазкова, Кузьмиха, Жилкина.
Въ Жилкиной ешъ архіерейскій домъ, гдѣ лѣ-
шомъ и живешъ Иркутскій Епископъ. Прошивъ
города, за горою, рѣчка *Кая*; мѣстоположеніе
прекрасное, особливо весной, когда цвѣшешъ че-
ремуха, копорой шупъ множеспиво.

Осень во всей Сибири ешъ время проспонарод-
ныхъ вечеринокъ, копорыя шамъ называющъ *вечор-
ками*. Поводомъ къ нимъ служипъ рубленъе капу-
спы, чшо и называющъ *капусткой*. Когда ка-
пуста срублена, привезена и посуда для нея
гошова, шо назначали день рубипъ капусту.
Съ вечера ходили къ сосѣдямъ просипъ съчекъ и

къ знакомымъ звать на *капустку*. По утру обыкновенно собирались спарухи обсъкать капусту; она дѣлилась на разные соршы: бѣлую, сѣрую (копорую шамъ квасящъ, пересыная ржаной мукой, и называющъ *кислы*), пластинную (копорую пригопвляющъ для поста и дней постныхъ, оспавляя шакже кочаны на свѣжую) и шинкованную. Кпо приходилъ на капустку, шѣхъ называли капустницами. Приходя, всѣ поздравляли хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ, и, въ самомъ дѣлѣ, онѣ къ эпому дни варили пиво (копорое въ Сибири вообще очень хорошо). Обѣдъ бывалъ хороший; но лучшее кушанье гоповилось къ вечеру, и было привилегированнымъ блюдомъ дня: эпо *пирогъ хлебальный*, начиненный капустой съ рублеными яйцами. Послѣ обѣда собирались молодыя женщины и дѣвицы; мужчины приходили къ вечеру. Рубленіе сопровождалось пѣснями, а вечеромъ, когда все кончено, угощали чаемъ госпей; спарухъ и наспоящихъ работниковъ кормили ужиномъ, попому чпо въ самомъ дѣлѣ для молодыхъ эпо была шолько предлогъ поплясать. И чпо за работницы нарядныя молодки, въ шелковыхъ перчашкахъ? Для дѣпей эпо бывалъ шакже праздникъ: имъ давали маленькія сѣчки, и, главное, они могли ѣспъ, сколько угодно, кочарыжекъ. Послѣ чаю, дѣвицы, молодыя женщины и мужчины начинали пляску; но эщо были не кад-

рили и мазурки, а національная напѣ Русская пляска. Очень часто плясали подѣ пѣсни, играли кругами, * оленемъ, боярами, макомъ, сѣями просо. Все эпо оканчивалось ужиномъ. Иногда послѣ ужина еще плясали; но вопѣ было счастье, если могли достать скрыпку! Скрыпачи обыкновенно бывали самоучки; я слышала эшихъ самоучекъ; они играли съ голосу разныя пѣсни, и очень порядочно, вѣрно. Тогда можно было плясать даже осмерку, панецъ, родѣ горленки или горлицы; плясали его въ чепыре и восемь парѣ.

По неимѣнію въ Иркутскѣ и во всей Сибири фрукшовъ, домашнія загоповленія на зиму ограничивались огородными овощами, ягодами и разныхъ родовъ грибами, какъ-то рыжиками и груздями. Кромѣ того чпо собирали грузди, рыжики и всякіе грибы въ близкихъ ошѣ города мѣстахъ, изъ многихъ домовъ отправляли служилелей довольно далеко, въ лодкахъ и на лошадахъ. Самыя извѣспныя мѣста, куда ѣздили за грибами и ягодами: Успѣ-Балей, Успѣ-Кипшой, Шведово зимовье, и Ошунъ, гдѣ была прежде мѣльница. Если былъ урожайный годъ, то возвращались съ грузами земныхъ произведеній. Изъ ягодъ загоповляли бру-

* Старинныя Русскія пѣсни помѣщены въ концѣ книги; равнымъ образомъ круговыя и разныя игры. Предоставляю ученымъ изысканія, когда и кѣмъ онѣ занесены въ Сибирь и къ какому времени относятся.

снику и голубицу; ихъ проспо сохраняли до заморозовъ въ погребяхъ, а послѣ замораживали. За брусничкой опправлялись къ Байкалу и на *Гари*: шакъ называющъ хребешъ горъ около Байкала, гдѣ проложена дорога кругомъ эпого моря. Гарями называющъ ихъ пошому, чпо по причинѣ бывающихъ часпо *паловъ*, по еспъ лѣсныхъ пожаровъ, шамъ цѣлые лѣса обгарающъ; эпо случается въ Сибири каждую весну: иногда опъ неоспорожноспи проѣзжихъ, копорые, гопоя себъ пицу, оспавляющъ огонь не погашеннымъ, иногда опъ шого, чпо выжигаютъ праву подъ пашню безъ надлежащихъ предоспорожноспей. Цѣлые лѣса горяшъ шакъ, чпо воздухъ наполняетса дымнымъ запахомъ; огонь перебѣгаетъ, какъ лешучіе огненные змѣи, и клубится въ разныхъ видахъ. Вечеромъ эпо предспавляетъ великолѣпное зрѣлище. Гари оспаютса совершенно необицаемыми. Хошя въ Швейцаріи и Савоиі почти шакія-же мѣспа, но шамъ все эпо обработано; у насъ, напрошивъ, еще шакъ мало населена Сибирь, эша прелеспная, плодородная спрана, чпо много еспъ очаровашельныхъ и удобныхъ мѣспъ не заселенныхъ. На горяхъ множеспво чиспыхъ испочниковъ клубяшъ свои воды; они въ эшихъ необицаемыхъ мѣспяхъ обросли кусшарниками черной и красной смородины. Тамъ еще много водилса медвѣдей и другихъ звѣрей; но жишели

Иркушка възяшъ шуда обыкновенно дней на десяшъ за брусникой, и вывозяшъ ея каждою аршелью по 40 и болѣе ведеръ.

Въ Иркутскѣ нѣшъ шакъ называемыхъ кондитеровъ, кошорые, избавляя хозяевъ опъ всѣхъ заботъ, договаривающа за прислугу, дающъ на прокашъ споловое бѣлье, серебро, хрушаль и все, нужное для пира. Въ Иркутскѣ у кого нѣшъ всего нужнаго для угощенія, серебра и разной посуды, тѣ просяшъ ихъ у знакомыхъ; и надобно сказашъ, чшо всѣ охотно ссужающъ другъ друга. Но всякій, кпо можетъ, спарается имѣшъ свое. Сполы гоповяшъ болѣе женщины, кошорыя извѣсны своимъ повареннымъ искусствомъ, и пѣмъ шолько живущъ, чшо на свадьбахъ, поминкахъ, именинахъ гоповяшъ сполы. Поваровъ зовущъ рѣдко, и по болѣе когда приглашающъ на обѣдъ чиновниковъ. Официантовъ ешъ нѣсколько человекъ изъ вольноопущенныхъ, кошорые вездѣ прислуживающъ и пѣмъ живущъ. Музыку обыкновенно нанимающъ полковую. За 15 лѣшъ вольныхъ музыкантовъ не было порядочныхъ.

ПОВѢДКА ВЪ КЯХТУ.

Въ 1804 году, по торговымъ обстоятельствамъ мужу моему нужно было ѣхать въ Кяхту; но какъ онъ располагалъ прожить тамъ болѣе года, то и рѣшено было ѣхать намъ вмѣстѣ. Не смотря на разлуку съ родными, я очень радовалась этому небольшому путешествію. Въ Сибири обыкновенно ѣздить на почтовыхъ лошадяхъ, или нанимають перемѣнныхъ (вольныхъ); но мы, не знаю почему, поѣхали на долгихъ. Сначала наняли лошадей до Лиспяничнаго. Изъ Иркутска выѣхали мы 19-го Сентября вечеромъ и ночевали въ деревнѣ, верстъ за 25 отъ города. Рано по утру мы опять пустились въ путь, и чрезъ нѣсколько часовъ открылась

передъ нами великолѣпная карпина взморья (такъ называется мѣсто, гдѣ Ангара вытекаеть изъ Байкала). Тушъ находилась приспань купеческихъ судовъ и деревянная церковь во имя Николая Чудотворца *. Мы не остановились тушъ пошому, что намѣрены были переправляться чрезъ Байкаль на казенномъ гальѣтѣ; но прѣхавши къ Лиспяничному, гдѣ по-же находилась нѣсколько домовъ и почтовая спанція, прожили недѣлю за безвѣпріемъ. Хопя была осень и совершенное уединеніе опъ общесства, но я не скучала и не могла насмотрѣться на прекрасное мѣстоположеніе. Съ одной спороны обширное проспранство водъ, съ другой высокія горы, покрытыя лиспяницами; пропивоположный берегъ не всегда видѣнъ, но въ ясную погоду Забайкальскія горы бѣлѣются, какъ облака.

Повозки наши были перевезены на гальѣтѣ; но мы возвращались тушда только къ ночи, и цѣлый день проводили на берегу. Я ходила по горамъ, окружающимъ Байкаль, и по лѣсамъ, гдѣ не встрѣшишься съ людьми, ибо селеній близко нѣтъ, а проѣзжихъ лѣшомъ и осенью мало, пошому что многіе садятся на суда у Никольской приспани. Дней чрезъ пять по прѣздѣ мы вы-

* Говорятъ, что теперь купечество, торгующее въ Кяхтѣ, намѣрено выпроить каменную церковь, и уже собрало для этого довольно большую сумму.

держали бурю; съ гальёту съѣхавъ было не лѣзя, и насъ качало двои сунки. Машпросы и пассажиры всѣ спрадали морскою болѣзнію, копорую шамъ называютъ *угаромъ*; но я не испытала этой непріятности: на меня качка судна не произвела никакого дѣйствія, и я, сидя въ повозкѣ, смотрѣла на кипящую бездну. Черезъ двои сунки море (какъ шамъ называютъ Байкаль) успокоилось; къ ночи подулъ попушный вѣтеръ, и корабль полетѣлъ. Какая прѣлестная картина, когда корабль бѣжитъ на всѣхъ парусахъ, въ ясную ночь, и звѣзды горятъ на небѣ! Поутру мы были уже въ Прорвѣ, куда приспавлютъ суда; вышедши на берегъ, мнѣ долго казалось, что земля качается подъ ногами.

Мы перѣехали въ Посольскій монастырь. Тутъ, кромѣ монастыря, большое селеніе, въ копоромъ мы наняли лошадей до Верхнеудинска. Деревни за Байкаломъ довольно въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, и еспь большія селенія; шаковы: деревня Твараговая, Большая Займка, Кабанскъ, Троицкій монастырь и проч. Какія прѣлестныя мѣста, какіе лѣса и прекрасныя паспбища! Намъ часпо встрѣчались кочующія семейства Буряпъ, копорыхъ все богатство соспавляютъ шабуны скопа. Уложивъ свои войлочныя юрпы на быковъ, они гнали свои стада. Буряпы употребляютъ быковъ для работы и перевозки, а Рускіе въ Сибири никогда не дѣла-

юпть эшого. Подъѣзжая къ Верхнеудинску, оспановились мы ночевашь въ одной деревнѣ и нашли большое семейство. Убравши хлѣбъ, жипели заморья моюпть свои избы, шо еспь спѣсны и пошолокъ, и можно сказапть, что у нихъ шакая чиспоша, какую найдешь развѣ въ Голландіи. Изба хозяевъ нашихъ была большая, и все семейство пило кирпичный чай; эшо я видѣла еще въ первый разъ, пошому что въ Иркутскѣ мало пьюпть кирпичнаго чаю. Я думаю, многіе не знаюпть, что шакое кирпичный чай и какъ пригошовляюпть его? Онъ вывозицца опгъ Кипайцевъ, на большія суммы, и его пьюпть Ташары, Буряша и Забайкальскіе Рускіе. Они шакъ привкаюпть къ нему, что онъ дѣлаецца для нихъ необходимъ. Многія женщины съдаюпть даже лисья чаю или выварки, кошорья называюпся шара. Кирпичный чай имѣетъ видъ доски, длиною вершковъ семь, шириною пяпъ, а шолциною въ вершокъ. Цѣлый кусокъ его называецца *кирпичемъ*; лисья его, когда разварицца, шакіяже, какъ и у обыкновеннаго чая, шолько гораздо больше; но въ чаѣ, кошорый извѣспенъ подъ именемъ байховаго, одни лисья, а въ кирпичномъ цѣлыя вѣпки. Когда надобно упошребляпть эшопть чай, шо берупть кусокъ его, смопря по количеству, сколько хопяпть пригошовишь; спавяпть чугунку въ печь, и когда закипипть вода, шобкушъ чай и кладушъ въ кипяшокъ; даюпть

еще кипятъ, попомъ кладутъ нѣсколько коровьяго масла, соди и пошленаго молока. Когда все это хорошо уварится, разливаютъ чумичкою въ небольшія деревянныя чашки и пьютъ съ хлѣбомъ, *шаньгами* и пирогами. Говорятъ, что кирпичный чай очень здоровъ, и кто къ нему привыкъ, тѣ предпочитаютъ его лучшему байховому. Въ постѣ варятъ его съ шолчеными вмѣстѣ съ скорлупою кедровыми орѣхами, и съ шолченымъ конопляннмъ сѣменемъ, вмѣстѣ молока.

Въ Верхнеудинскѣ мы прожили одни сутки. Это хорошій городокъ. Рѣка въ немъ Уда; нѣсколько каменныхъ церквей; есть каменные дома, и вообще все спроенія хорошия. Тамошнее купечество торгуетъ въ Кяхтѣ и занимается торговлею пушныхъ шоваровъ. Изъ Верхнеудинскѣ мы наняли лошадей до Кяхты. Погода была прекрасная. Селенгинскѣ проѣхали мы не оспанаиваясь. Тутъ чаще начали намъ встрѣчаться кочевья Бурятъ. Оспановаясь въ одной деревнѣ ночевать, я узнала, что близко Бурятскія юрты. Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ домашнй бытъ и вошедши въ юрту, я нашла разведенный среди ея огонь, а на немъ чугунную чашу или лучше сказаъ кошелъ съ пригоповленнымъ кушаньемъ. Около огня спояли ребятишки, совершенно нагѣ; маленькй ребенокъ лежалъ въ зыбкѣ, завернуый въ овчины, и сосалъ кусокъ

баранины; масть его въблизи юрпы доила коровъ. Буяпы смирны и рабочяци; рѣдко случается, чпобъ они попадались въ преспуленіяхъ.

Когда мы подъѣхали къ Кяхтѣ, день былъ прекрасный. Гуляя, увидѣла я юршу и нашла въ ней нѣсколько женщинъ. Тупъ было довольно число; въ сиронѣ, на небольшомъ возвышеніи, спояли маленькіе деревянные болваны, а передъ ними въ мѣдныхъ чашечкахъ пшеница и вода. Одна спаруха Буяшка вынула листокъ шонкой бумаги, съ изображеніемъ на немъ безобразныхъ фигуръ и говорила мнѣ чпо-по; но я, не зная ни сколько языка ея, ничего не могла понять, кромѣ слова *Бурханъ* (шакъ они называютъ своихъ идоловъ). Попомъ спаруха взяла колокольчикъ и начала звонить. Не знаю, была-ли спаруха Шаманка, или принадлежала къ поколѣнію Ламъ, но мнѣ не случилось видѣть этого въ другихъ юршахъ.

Наконецъ мы прѣехали въ Троицкую крѣпость. Тамъ у насъ осмопрѣли сундуки и чемоданы. Послѣ этого обряда мы заняли кварширу, гдѣ нужно было прожить нѣсколько дней до переезда въ шорговую слободу. Нанявши шамъ кварширу, мы переехали на *Нижнюю плотину*: шакъ называютъ шорговую слободу, гдѣ живутъ купцы, и нѣтъ иныхъ жителей, кромѣ цограничнаго начальника, да священника съ при-

чепомъ. Разстояние между Верхнею и Нижнею площиною 4 версты. Мѣсто это совершенно пусное, и на немъ не позволяють селиться, чтобы отвратить могущія бытъ злоупотребленія. Вскорѣ у насъ перебывали всѣ торгующіе Китайцы. Они очень любопытны, и каждый хочеть видѣть прїѣзжихъ. Мужъ мой бывалъ въ Кяхтѣ и прежде; пошому нашлись изъ нихъ знакомые ему. Многіе говорятъ о Китайцахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго, но я не нахожу этого справедливымъ. Конечно я видѣла Китайцевъ только торгующихъ въ Кяхтѣ, и не могу судить о всей націи; но судя по видѣннымъ мною, они вѣжливы, умны, смѣливы, хитры. Одежда Китайцевъ: азямъ длинный, похожій на Ташарскій, по которому подпоясанъ кушакъ; за кушакомъ у каждаго кошелекъ съ шабакомъ, огниво и полощенце; сверху азяма курма, очень похожая на наши кацавейки, только съ широкими рукавами; на головѣ шапочка, зимою съ мѣховымъ околышемъ и съ красною киспью. Ткани употребляютъ они по соспоянцію: у богатыхъ шелковыя и суконныя; у пѣхъ, копорые бѣднѣе, кйшайчашыя азямы; но курма почти всегда шелковая или суконная. Сапоги у нихъ съ полеспыми бумажными подошвами; у нѣкопрыхъ башмаки, по-же съ полеспыми подошвами, и спеганые чулки. Лѣпомъ они всѣ носятъ кйшайчашыя длинныя плашья, подобныя дамскимъ

блузамъ, и соломенныя шляпы; вѣчная ихъ принадлежность—прубка, или, какъ они называютъ, *ганза*. Трубки ихъ маленькія; у нѣкопорохъ довольно длинныя чубуки. Кипаецъ вѣчно куришь, идя по улицѣ и пришедши въ домъ. Не смотря на чинность и церемоніи Кипайцевъ, они не наблюдаютъ ихъ съ Рускими. Входя въ домъ, просто говорятъ: здравствуй, а нѣкопорые, очень знакомые, берутъ и жмутъ руку, потомъ садятся, курящъ пабакъ и говорятъ между собою или съ хозяиномъ. Не знаю, правду-ли пишутъ о Кипайцахъ, что они придумъ въ госпи, и по окончаніи многихъ церемоній, посидѣвши, иногда молча расходятся; совсѣмъ напротивъ въ Кяхтѣ: тамъ они очень говорливы, даже шушлively и оспроумны. Всѣмъ Рускимъ даютъ свои имена и рѣдко ошибуся въ характеръ челоуѣка. Вопть нѣкопорыя: *жельзный громъ*, *чортовъ Капитанъ*, и разныя другія. Съ Рускими говорятъ они изломанымъ Русскимъ языкомъ, но, привыкнувши, можно хорошо понимать ихъ.

Очень пріятно слышатъ, что купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, учатъ нынѣ дѣшей своихъ Кипайскому языку; это должно облегчить торговля сношенія. Кипайцы съ уваженіемъ обходящя съ спаршими. Когда приходишь спарикъ, то молодые уступающъ ему мѣсто. Такое уваженіе, особливо въ родствѣ, простирается да-

же за предѣлы жизни. У Кипайцевъ шраурный цвѣтъ бѣлый. Пошерявшіе ошца или машь носятъ шрауръ при года, мало по малу сокращая его; послѣдній годъ носятъ строе плашье. Если умеръ дальній родшвенникъ, шо носятъ бѣлый поясъ и бѣлые чулки. Кипайцы очень любящъ и ласкающъ маленькихъ дѣшей; вѣрояшно, эшо попому болѣе, чшо они живушъ въ Кяхтѣ безъ семейспвъ. Въ Маймачинѣ нѣтъ ни одной женщины. Кушанье гошоящъ у нихъ повара. Они не любящъ неопряжныхъ женщинъ, говоря: *она адали машш*, шо еспь: она шочно кухарка. Имъ спранно, чшо женщины наши пишушъ. Однажды увидѣли они, чшо я пишу, и сказали: *а! ты еще пиши умъша*. Удивлялись шакже, чшо часшо заспавали меня съ книгой и говорили: *ты всегда книга почитай*. У меня было между Кипайцами нѣсколько чело-вѣкъ хорошо знакомыхъ, копорые приходили въ мою комнату и сиживали шамъ. Особливо два почпенные спарика очень любили меня; у обоихъ изъ нихъ были замужнія дочери, и они говаривали со мной о своихъ семейспвахъ. Одинъ знакомый нашъ Кипаецъ, почпенный чело-вѣкъ, былъ шакъ огорченъ, получивши извѣспіе о смерти двухъ дѣшей своихъ, чшо долго не выходилъ никуда, да и спуспя долгое время печаль выражалась на лицѣ его.

Живши въ Кяхтѣ, мы должны были очень

рано вспавашь, пошому чшо по пробитиі упренней зари Кипайцы выходяшь изъ Маймачина и идушь ко всѣмъ знакомымъ. Хопя не во всякомъ домѣ еспь имъ надобносшь, но они придущь, сидяшь, говоряшь, куряшь шабакъ; ихъ не лъзя принимашь по выбору. Мълочники ихъ рѣдко ходяшь по хорошимъ купеческимъ домамъ, кромѣ нѣсколькихъ шоргующихъ мѣлочами. Эпи обыкновенно приносяшь шелкъ сученый и шѣневой для шипья гладью, карпинки, куклы, каменныя колечки, будумиловыя духи въ подушечкахъ, вѣера, деревянныя и фарфоровыя чашки, благовонныя челпки, и множесшво другихъ мѣлочей, изящныхъ въ своемъ родѣ.

Я упоминала выше, чшо въ Иркутскѣ, 15 лѣтъ назадъ, можно было найдши всѣ наряды, копорые носили наши прабабушки лѣтъ за 50 и болѣе; но шеперь все испребляешся; даже названія нарядовъ, я думаю, скоро исчезнушь, и пошому для любопытныхъ прилагаю слѣдующій рееспръ. Эшо названія старинныхъ нарядовъ и употребляемыхъ на нихъ машерій:

Роброны.

Фуро.

Серпучки.

Шлафроки.

Круглыя плашья.

Молдаванскія плашья.

Куншуши.

Шушуны длинныя.

Шушуны съ лифомъ и съ маленькимъ воропникомъ.

Коффы разныхъ фасоновъ.

Тълогрѣйки.

Фалборы (эпо родъ сарафана).

Къ тѣлогрѣйкама, шушунама и кофшамъ принадлежали:

Юпки.

Юпки иногда къ верху наспавляли другой матеріей, похуже, попому чпо подъ шушуномъ не видно было эпого; такую наспавку называли фурмою.

Шубы. Епанча или манпилия. Онѣ дѣлались на мѣху, съ широкою опушкою и съ круглою пелеринкой.

Шуба *зречанка*, длинная, шо-же съ круглою пелеринкою и съ длинными, довольно широкими рукавами.

Польки, съ рукавами и небольшимъ воропникомъ; но ихъ не надѣвали въ рукава, а проспо накидывали на плеча.

Тулупчикъ, шуба съ длинными рукавами и небольшимъ воропникомъ; она не много подлиннѣе колѣна.

Шубочка, короенькая, какъ вынѣшнiя кацавейки, только съ длинными рукавами.

Салоны вспарину были не много длиннѣе колѣна, съ небольшимъ капишономъ.

МАТЕРIЯ ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ.

Разныя парчи.

Шпофы разныя.

Шпофъ Кипайскiй по апласу.

Шпофъ букешовый.

Шпофъ браже.

Шпофъ по саржирону.

Шпофъ Французскiй.

Апласы разныя съ мушками.

Полосашыя, правчашыя.

Насышъ, родъ легонькой парчи.

Бархашъ съ золопомъ.

Бархашъ рышый, то естъ съ узорами.

Бархашъ гладкiй.

Люспринъ.

Гризешъ.

Обьяри писненыя и полуобьяри.

Перуанъ.

Перюсинъ.

Гризеншинъ.

Голи разныя, мѣлкоправчашыя и съ большими узорами

Юпки Кипайскія шишья.

Юпки Кипайскія рисованныя.

Гургуранъ.

Гарнишуръ Нѣмецкій и Кипайскій.

Канфы, родъ апласу—широкая и очень площная маперія.

Канчи, родъ леваншину; шо-же очень прочныя.

Левзы, легонькій апласъ.

Флеры разные.

Флерь, свистунъ.

Флерь рисованный.

Фанза, Кипайская маперія, гладкая и черенковая, родъ шафшы, но моепся, очень хороша и удивительно крѣпка. Ее употребляли на спеганіе; дѣлаюпъ изъ нея одѣялы, юпки спеганья, рубашки мужскія и женскія.

Урубокъ, маперія, копорую Кипайцы дѣлаюпъ изъ крапивы.

Чанчи, янчи и менчи дѣлаюпся изъ шелку не самага лучшаго.

Тафшы Французскія и Нѣмецкія, волнишья и полосашья.

Кипайки разныхъ родовъ.

Дабá, бумажная маперія, разныхъ родовъ Бѣдные употребляютъ ее на рубашки мужскія и женскія, на юпки, шѣлогрѣйки и на подкладку.

Возитъ въ переизданіи в. „Русская
Музыкальн. в.“, издав. К. А. Губина? в.
1878 г. в. в. в. 2 т.

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

А.

Пѣсня, когда посадишь жениха съ невѣстой за столъ.
Она поется въ сговоръ, дѣвичникъ и свадьбу. Первый
стихъ поется дважды, второй однажды, третий опять
дважды, четвертый однажды, и такъ далѣе.

Гдѣ была лебедь,
Гдѣ лебедка была?
Лебедь была
На синемъ морѣ;
Лебедка была
На тихихъ заводяхъ.
Нынче они
На одномъ заводѣ,
Нынче они
Одну шивку клюютъ;

Нынче они

Одну воду пьюшь.

Гдѣ былъ Аншднѣ,

Гдѣ Ивановичъ былъ?

Аншонъ сударь былъ, Ивановичъ былъ

Въ каменной Москвѣ.

Аксинья росла, Павловна росла

Въ высокомъ шерему.

Нынче они

За однимъ споломъ сядяшь,

Нынче они

Одни ѣшвы ѣдяшь,

Нынче они

Одну рѣчь говоряшь.

По прошіи пѣсни жениху и невѣстѣ, поюшь по порядку: сначала ошцу женихову,* пошомъ прочимъ го-
ешямъ; сначала мужчинамъ, пошомъ женщинамъ.

2.

Ужъ какъ по лугу, лугу, *

По зеленому лугу,

Туда шли, прошли при рошы,

Три военныя силы;

Попередъ идешь рошы

Господинъ Полковникъ,

Какъ Иванъ, сударь, Полковникъ,

Какъ Пешровичъ Полковникъ;

* Къ каждому стиху прищевъ: *оре-диди*.

На немъ шуба соболья.
 Ужь какъ люди-шо спрoсяшъ:
 Тебя кто шубой дарилъ,
 Или шeснь, или шeца,
 Или милая Лада?
 А Иванъ, сударь, скажешъ,
 А Пешровичъ-шо скажешъ:
 Чшо не шeснь шубой дарилъ
 И не шeца дарила,
 И не милая Лада,
 И дарилъ меня шубой
 Государь Императоръ
 За мою службу вѣрну,
 За мою неизмѣнну;
 Я полки собираю,
 Я другіе сряжаю,
 А шрешъ ошправляю.

3.

Какъ не яхонщeцъ по горницѣ кашилcя,
 Не жемчужина за яхоншомъ кашилась;
 Какъ Пешръ, сударь, на сговорѣ снаряжался,
 Алексѣевичъ на веселое снаряжался;
 Хорошо его молода жена снаряжала,
 Гребешкомъ ему черныя кудри причесала,
 Жeшпoкó ему Авдошья наказала,
 Жeшпoкó ему Андреевна наказала:
 Ужь шы будешь-ли Пешръ, сударь, на сговорѣ,
 Ужь шы будешь-ли Алексѣевичъ на веселомъ?
 Ужь какъ будущъ шeбъ дѣвицы пѣсни пѣвши,

Какъ по имени себя спанушъ называшь,
 По изочесиву себя спанушъ величашь:
 Ты дари-же, сударь, дѣвицъ не скупися,
 А дари, сударь, червонцами золошыми.

4

Не бушуй, не бушуй
 Холодѣнь вѣшеръ,
 Не раскачай, не раскачай
 Звонка колокола,
 Не попусти, не попусти
 Звѣну по землѣ,
 Не разбуди, не разбуди
 У Машвѣя жену,
 Не разбуди, не разбуди
 У Васильевича,
 Свѣшь душу Анну, свѣшь душу Анну Ивановну.
 Вечоръ она, вечоръ она
 Во компаньи была,
 Къ ушру бѣлѣ свѣшу, къ ушру бѣлѣ свѣшу
 Сына породилъ,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Не случилось въ дому,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Царь жаловаль:
 Тремя горѣдами, шремя городами,
 Тремя спольными.
 Въ первомъ городу, въ первомъ городу,
 Тушь вина куряшъ,

Во вшоромъ городу, во вшоромъ городу,
 Тушъ пива варяшъ,
 Въ шрешемъ городу, въ шрешемъ городу,
 Тушъ дия крешяшъ.

5.

Въ зеленомъ-шо саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла.
 Ошъ чего-же въ саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла?
 Какъ повѣяли понкіе, буйные
 Вѣшперочки, вѣшперочки.
 У Михайла въ дому радосшь
 Учинилась, учинилась,
 У Ивановича въ дому радосшь
 Учинилась, учинилась.
 Ошъ чего-же въ дому радосшь
 Учинилась, учинилась?
 Молода его жена сына
 Породила, породила,
 А свѣшъ Федосья, душа, сына
 Породила, породила,
 Свѣшъ Пешровна душа
 Сына породила, породила.

6 *.

Среди двора,
 Среди широка,

* Пѣніе стиховъ по одному и по два раза, какъ въ первой пѣснѣ.

Свѣша Сергѣя
 Спешановича,
 Выросло
 Золошое шычье,
 Вывился
 Бѣлояровый хмѣль,
 Вырвался
 Его добрый конь,
 Вышопшалъ
 Бѣлояровый хмѣль,
 Выломалъ
 Золошое шычье.
 Всплечешся, всшужишся
 Аграфена душа,
 Всплечешся, всшужишся
 Свѣшъ Григорьевна.
 Тѣшишъ ее, тѣшишъ ее
 Свѣшъ Спешанъ господинъ,
 Тѣшишъ ее, тѣшишъ ее
 Свѣшъ Васильевичъ:
 Не плачь, не шужи,
 Аграфена моя,
 Не плачь, не шужи
 Свѣшъ Григорьевна,
 Выроснешъ
 Золошое шычье,
 Вывьешся, вывьешся
 Бѣлояровый хмѣль:
 Будемъ мы жишъ
 Лучше прежняго.

Дорогая наша гостейка,
 А свѣшъ Марья, душа Ивановна,
 На добрыхъ коняхъ прѣвхала,
 Во апласъ она, во бархашъ,
 Собольми гостья обвѣшаная,
 Жемчугомъ гостья унизаная.
 Вы берите шое гостейку,
 За ея-шо ручки бѣлыя,
 За ея-шо перспши злачѣныя;
 Вы ведите шое гостейку
 Во споловую новую горницу;
 Вы садите шое гостейку
 За шолы-шо, за дубовые,
 Вы за скашерши, за браныя,
 Вы за ѣспва, за сахарныя,
 Вы за пишья, за медвяныя.
 Ты покушай наша гостейка,
 У любезнаго у свашушки,
 У любезной своей свашьюшки.

(Эша пѣсня поешся женщиной замужней, у кошорой ешь дѣши).

Ужь какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, *
 По часшымъ переходамъ,

* Припѣвъ: *оре-диди* повпоряется послѣ каждого стиха.

Туда ходила, гуляла
 Дорогая боярыня,
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.
 Во рукахъ носишь блюдо;
 Какъ на зѣлошъ блюдо
 Три яхонша червленны.
 Ужъ какъ первый-шо яхоншъ
 Свѣшъ Прокопій Сшепановичъ,
 А вшорой-шо яхоншъ
 Свѣшъ Иванъ сударь Прокопьевичъ;
 А шрешій-шо яхоншъ
 Свѣшъ Василій Прокопьевичъ;
 А какъ золошо блюдо
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.

9.

А свѣшъ Аннушку машушка,
 Свѣшъ Пешровну родимая,
 Въ раннюю зорю те породила,
 Въ Воскресенскую зашуреню;
 Малиною ее пѣрила,
 Молочкомъ ее умывала,
 А сама-шо приговаривала:
 Ты росши, росши, мое дидяшко,
 Ты, умное дидя, разумное,
 Да шы сшасшливое, шаланливое!
 Ошцу машери на чесшь, на хвалу,
 Роду племени на зѣвидосшь.

10.

Свѣшъ Марьюшка по двору ходила,
 Свѣшъ Андреевна по широку гуляла,
 Соболиная на ней шубочка до по́лу,
 Божья на ней милоспѣ до вѣка;
 Люди-шо спросяшъ: чья эшо шакаля?
 А Данило, сударь, молвишъ,
 А свѣшъ Дми́тревичъ молвишъ:
 Госпожа моя Марья,
 Боярыня моя Андреевна.
 Богъ мнѣ далъ шакую,
 Умную, разумную,
 Счастливую, шаланливую.

11.

(Поешся про молодыхъ неженатыхъ муж-
чинъ).

Алексѣй господинъ
 На шравѣ. 2.
 Свѣшъ Павловичъ
 На муравѣ. 2.
 Онъ зеленъ сафьянъ сапогъ
 Надъвасѣшъ. 2.
 Онъ самъ на себя
 Озираешъ. 2.
 Ахши молодець
 Хорошенекъ, 2.
 Ахши молодець
 Пригоженекъ. 2.

Какъ умѣлъ онъ у башюшки

Родисься, 2.

У родимой машюшки

Снарядисься; 2.

Онъ гораздъ изъ шуга лука

Спрѣляши, 2.

Гусей, лебедей

Побиваши, 2.

Государю Царю

Опсылаши; 2.

А за шо Государь Царь

Его любишь, 2.

По головушкѣ

Его гладишь. . . . 2.

12.

(Также про молодыхъ и неженатыхъ).

Зачѣмъ, соловей, 2.

Ты одинъ во саду?

Право, не одинъ: 2.

Господь Богъ со мною;

Много со мной 2.

И гусей, лебедей;

Больше того 2.

Мѣлкихъ пшашечекъ;

Только со мной вѣшь 2.

Бѣлой лебедушки.

Гдѣ ей ни бышь, 2.

А ей бышь у меня.

Зачѣмъ Григорій,
 Зачѣмъ Ивановичъ,
 Одинъ въ шерему?
 Право не одинъ: 2.
 Господь Богъ со мною;
 Много со мной 2.
 И Князей и бояръ;
 Больше шого 2.
 Княжескихъ дѣшей;
 Только со мной нѣшь 2.
 Моей суженой,
 Только со мной нѣшь 2.
 Моей ряженой.
 Гдѣ ей ни бышь, 2
 А ей бышь у меня.
 Чьей ей ни слышь, 2
 А ей слышь моею.

(Когда пропоюшь пѣсни всѣмъ госшамъ, шо
поюшь пѣсни невѣштѣ).

13.

Ахъ, шы, солнце, солнце красное!
 Ты къ чему рано закашаешься,
 Ты за горы, горы высокія,
 Ты за лѣсы, лѣсы шемные!
 Ахъ, шы свѣшь-шо наша подруженька,
 Ахъ, шы свѣшь-шо наша голубушка,
 Аграфена, свѣшь, Григорьевна!
 Ты къ чему рано за мужъ пошла?

Ты къ чему рано задумала,
 За дороднаго добраго молодца,
 За Семена свѣшъ Андреевича!
 Недозрѣлая въ полѣ ягодка,
 Недорослая красная дѣвица,
 Не накопила шы ума, разума!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои подруженьки!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала,
 Не своей волей, охошою:
 Опдаешъ меня сударь башюшка,
 Свѣшъ Григорій, сударь, Карповичъ,
 Государыня родна машюшка,
 А свѣшъ Марѳа, душа, Фаддеевна,
 Присудили весь и рѣдъ, племя.

14.

Я когда-шо была малешенька,
 Я когда-шо была глупешенька,
 Я ходила кругомъ лавочки,
 Вкругъ дубовой-шо я причалинки.
 Доходила-шо я, красная дѣвица,
 До родимаго до башюшки,
 До Филиппа свѣшъ Пешровича;
 Да какъ бралъ меня сударь башюшка,
 На свои-шо ручки бѣлыя,
 Говорилъ-шо сударь башюшка:
 Ты росши, росши мое дияшкко,
 Ты умное дияш, разумное,

Ты счастливое, паланливое!
 Не оцдамъ я шебя, дияшкю,
 Ни за Князя, ни за боярина,
 Ни за госпя, госпя шорговаго!
 А шеперь на меня прогнѣвался;
 Оцдаешъ меня во чужн̄ люди,
 Ко чужому свекру башюшкѣ,
 Ко чужой свекрови машушкѣ.

15.

(Поешся свашу въ сговоръ и дѣвичникъ.)

Ахъ! вы пѣшухи, пѣшухи,
 Пѣшухи рано пѣвчіе,
 Молодые Нѣмецкіе!
 Вы не пойше по ушрѣ рано,
 На зарѣ рано на ушренней,
 На всходимомъ красномъ солнышкѣ,
 Не мѣшайше спашь башюшкѣ,
 Со родимой моей машушкой!
 Какъ вѣчоръ мой сударь башюшка,
 Онъ не спалъ долго вѣчеромъ,
 Чшо до самой до полуночи,
 Съ полуночи до зашпрени.
 Пріѣзжали ко башюшкѣ
 Незваные госпи, нежданые,
 Свашовья все леспливые,
 Все леспливые, хваспливые;
 Вызывали моего башюшку,
 Со родимой моей машушкой,

На его сѣни новыя,
 На часпыя переходники;
 Они свашались у банюшки,
 Свѣшъ у Федора Ивановича,
 На любимой его дочери,
 А свѣшъ Марьѣ душѣ Федоровнѣ;
 Они били руки объ руки,
 Подымали чудны образы,
 Зажигали восковы свѣчи,
 Заручали буйну голову,
 Буйну голову Марьяну,
 А свѣшъ Марья, души Федоровнѣ,
 Чшобъ не выкупишь, не выручишь,
 Чшо ни злашомъ, ни сѣребромъ,
 Дорогимъ, скашнымъ жемчугомъ;
 Только выкупишь, выручишь,
 Удалой доброй мѡлодецъ,
 Свѣшъ Прѣкофій Ивановичъ,
 Все ошъ сваща леспливаго,
 Ошъ злодѣя лукаваго.
 Синѣ море всколебалося,
 Тѣмны лѣсы приклонилися,
 Быспры рѣки помушилися.

(Въ продолженіе времени между свадьбою и сговоромъ, когда пріѣзжаетъ женихъ къ невѣстѣ, поющъ слѣдующія пѣсни):

16.

Не зычи, гоголь, 2.
 Не высоко лешинь; 2.

Хошя нѣ высоко, 2.
 По поднѣбесью лечу. 2.
 Не плачь, душа Дарья,
 Не плачь, душа Пешпрова;
 Не далѣко за мужь ошдаюшъ;
 Хошя нѣ далеко, 2.
 Прочь ошъ башюшки везушъ. 2.

17.

Я войроманъ сѣяла, я васильчики сѣдила.
 Какъ повѣдился въ войроманъ гуляшъ
 Удамой, добрый молодецъ,
 Какъ по имени Василій господинъ,
 По ошечесшву Ивановичъ;
 Всю войроманъ вышопшалъ,
 Всѣ васильчики выщипалъ,
 Василису, душу, Сидоровну.
 Ужъ я спану брашцу жаловашься,
 Свѣшъ Машвѣю Сидоровичу;
 Какъ ошвѣшъ держишъ Машвѣй господинъ,
 Ошвѣчаешъ, свѣшъ Сидоровичъ:
 Государыня сесшрица!
 Самъ я холосшъ, не женашъ,
 Самъ я войроманъ шончу,
 Самъ васильчики щиплю,
 Самъ красныхъ дѣвицъ смошрю.

18.

Вы мешишеса улицы,
 Вы мешишеса широкія,

Спановишеса гóроды,
 Городы съ пригорóдкамы,
 Теремы съ пришеремочкы!
 Хоробрó вдишь Пешрь господишь,
 Хоробрó вдишь Ивановичь,
 На своемъ на добромъ на конь,
 На любимомъ своемъ бахмашь;
 Коня плешочкой посшегиваешь,
 Со дороженьки сворачиваешь,
 Ко двору́ приворачиваешь,
 Ко двору-шо, къ двору шёспеу,
 Къ новой горниць, ко шенциной,
 Къ шерему-шо, свѣшь, Авдошья души;
 Къ высокому, свѣшь, Сшепановны.
 А шы спишь-ли, не спишь-ли, Авдошья моя,
 А шы спишь-ли, не спишь-ли, Сшепановна моя?
 Какъ опвѣшь держишь Авдошья ему,
 Опвѣчаешь свѣшь Сшепановна ему:
 Я еще, сударь, нѣ шволя;
 Я Божья, да свѣша бѣпюшкына,
 Свѣшь Сшепана Тимооенча,
 Государыни родной мапушки,
 Аграфены, свѣшь Семеновы;
 Я злшымъ вѣнцомъ не вѣнчаная,
 Злшымъ першнемъ не обрученая.

19.

Какъ во свѣшлой во свѣшлиць,
 Во шполовой новой гóрниць,
 Какъ въ куши, за занавѣсой,

Тушь сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Машрена Архиповна;
 Подняла кушь занавѣсу,
 Какъ взвела очи ясныя,
 Какъ по всей свѣшлой свѣшлицѣ,
 По споловой новой горницѣ;
 Какъ увидѣла, обзрила
 Своего брата родимаго,
 Свѣшъ Ивана Архиповича.
 Государь, братаецъ миленькій,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Архиповичъ!
 Ты поди, братаецъ миленькій,
 Ты на свой на конюшій дворъ;
 Поймай, братаецъ миленькій,
 Своего коня добраго,
 Своего иноходаго;
 Осѣдай, братаецъ миленькій,
 Во сѣделушко Черкасское,
 Во уздечку шелковую;
 Поѣзжай, братаецъ миленькій,
 Ты во далече въ чистю поле,
 Въ раздолье широкое;
 Засѣки, братаецъ, засѣку
 Ошъ Восшока до Запада,
 Ошъ земли да и до неба,
 Ни пройди-бы, ни проѣхати,
 Чшо ни конному, ни пѣшему,
 Чшо ни шарому, ни малому,
 Ни большому, ни середнему,
 Ни моему-шо суженому,
 Ни моему-шо ряженому,

А свѣшь Дмипрію Ивановичу,
 Со своимъ скрушнымъ повздомъ;
 А опшуда, брапець миленькій,
 Повзжай, брапець миленькій,
 На кружало Государево;
 Ты спроси, брапець миленькій,
 Ты у спараго, у малаго,
 У большаго, у середняго,
 Про моёго-шо суженаго,
 Про моёго-шо ряженаго,
 Свѣшь про Дмипрію Ивановича:
 Онъ не пьешъ-ли пива пьянаго,
 Зелена вина двоенаго?
 Не играешъ-ли кошью, каршамн,
 И во всю игру Нѣмецкую?
 Вамъ ошдашь-бы, да не каляшься,
 А мнѣ жишь-бы, да не плакашься,
 Не сидѣшь-бы долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи.

ПѢСНИ, ПОДЪ КОТОРЫЯ ПЛЯСЫВАЛИ НА ВЕЧЕРИНКАХЪ.

1.

Во саду было, подѣ яблонью,
 Во зеленомъ, подѣ кудрявою,
 Соловей воцекѣчешъ,
 Молодой воцекѣчешъ.

Въ шерему-шо
 Свѣшъ у Марьи души,
 Въ высококъ-шо у Ивановны,
 Красны дѣвицы играющъ.
 Ужъ шы слышншь-ли,
 Марья душа,
 Ужъ шы слышншь-ли, Ивановна?
 Тебя бапюшка кличешъ,
 Тебя свѣшъ родной кличешъ!
 Охъ! вы свѣшъ-шо мон подруженьки,
 Зачѣмъ раньше не сказали,
 А я право не слыхала.

2.

У души красной дѣвицы
 Новый огородецъ,
 Новый, новый огородецъ,
 Часной часподолецъ;
 Пошамлся, повалился,
 Къ землѣ приклонился.
 Ошъ шого-же ошъ шыночка
 Лежашъ при слѣдочка,
 Три слѣдочка, два слѣдочка
 Свѣжкомъ призапали,
 Про меня, красну дѣвицу,
 Небыль насазали.
 Небыль, небыль, небылицу,
 Не быльи рѣчи:
 Будшо я, красна дѣвица,
 Порану вшавала,

По ушпру рако вспавала,
 Голову чесала,
 Русу косу заплешала,
 Леншочку вилешала,
 Друга провожала;
 Проводила мила друга
 До зелена луга,
 До зеленого лужечка,
 До полу - дорѣги;
 Со полу-шо я дорожки
 Домой ворошилась,
 Назадъ, назадъ ворошилась.
 Съ милымъ не проснилась.

3.

Изъ бору, бѣру,
 Изъ зеленаго,
 Сшучала, гремѣла
 Быспрая рѣчка.
 Обросшала быспра рѣчка
 Калиной, малиной.
 На калиновомъ мосшѣчкѣ
 Сидѣла голубка,
 Нѣженьки мыла,
 Перемывала,
 Свое сизо пѣрышко
 Пѣребирала.
 Перебравши сизо пѣрье,
 Сама взворковала:
 Завспра, по ушпру
 Башюшка будещъ;

Хоть онъ будешь, аль не будешь,
 Тоски не убудешь,
 Въ двое, въ шрое у голубки
 Печали прибудешь.

4.

Окола сыраго дуба *
 Расстешь чернь черница,
 А во шой-ли во черницъ
 Черенъ соболь скачешъ;
 Поскачи, поскачи соболь
 По чиспому полю,
 Поплови, поплѡви ушя
 По шиху Дунаю;
 Ищи себъ друга,
 Кошораго любишь.
 Скачите, вы, дѣвушки, пляшите,
 Вы, холосные, не смошрише,
 Смѡшрючи дѣвушку не взяши,
 Взяшь, не взяшь по любви,
 По башюшкину благословенью,
 По машушкину умоленью.

* Каждый стихъ повторяется.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ.

1.

(Одинъ ходишь и поешь. Кого онъ называешь по имени, шѣ къ нему приснаюшь, покуда всѣ играющіе не соберушся. Тогда начинаюшь другія игры).

Чирикъ, пыжикъ у ворошь,
 Воробушекъ маленькій!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Въ хороводѣ людей мало,
 Веселишся не съ кѣмъ спало.
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Максимъ, сударь, поди къ намъ,
 Егоровичъ присшунись!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!

2.

(Всѣ играющіе спановаяшся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходишь во-кругъ и поешь).

Царевъ сынъ хоробѣрь,
 Да шы чшб ходишь, гуляешь,

Царевъ сынъ хоробѣръ,
 Да шы чшо примѣчаешъ.
 Царевъ сынъ хоробѣръ.

★

Я хожу, хожу, гуляю,
 Я хожу, примѣчаю,
 Да свою я Царевну,
 Да свою Королевну.
 А моля-шо Царевна,
 А моля-шо Королевна
 Въ Новѣ-городѣ гуляешъ,
 На ней вѣничикъ сілешъ,
 Сарафанъ на ней камчатный.

★

Ты войди, Царь, во гóродъ,
 Ты возьми ее за ручку,
 Поклонись низенько,
 Поздоровайшесь миленько.

3.

Ходишь Царь
 Около города,
 Около высока;
 Ищешь Царь,
 Ищешь Царь
 Царевну свою,
 Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
 Кругомъ города,
 Я сѣку, рублю
 Мечёмъ ворошѣ,
 Еще все-ли я
 Красну дѣвицу ищу;
 Еще гдѣ я
 Красну дѣвицу найду,
 Тушь .ее
 Злашымъ перспнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися,
 Ты завейся, шруба золошая,
 Завернися, камка хрущашая!
 Ужь какъ сѣрая ушица
 Пошопила малыхъ дѣшусекъ,
 Во меду, да во пашокъ,
 Да во ѣспивъ сахарномъ,
 Да во пишьѣ медвяномъ.

6.

Подъ коренемъ олень,
 Да подъ дубовымъ олень.
 Тепло-ли ше, олень?
 Сшудено-ли ше, олень?
 Мнѣ не шѣ шепло,
 Мнѣ не шо сшудено.

Приодѣнься олень,
 Приокушайся.
 Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
 Со молодушки плашокъ,
 Со спарой бабы шлыкъ,
 Со малаго ребеночка пеленочка,
 Съ мужичка, бурлачка,
 Поль-корабличка.

(Кшо сидишь въ кругу оленемъ, шомъ собираешъ со всѣхъ плашки, леншы, и когда соберешъ со всѣхъ, по ему поюшь).

Сиди, сиди, ящеръ — ладу, ладу!
 На золошъ спулъ — ладу, ладу!
 Грызи, грызи ящеръ — ладу, ладу!
 Орѣховы ядра — ладу, ладу!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ спороны).

1.

Бояре! да вы по чшò пришли?
 Молодые, да вы по чшò пришли?

2.

Книгини! да мы невѣсшь смошрѣшь!
 Молодые, да мы невѣсшь смошрѣшь!

1.

Бѡдре! покажише жениха,
Молодыѣ, покажише жениха.

2.

Княгини! во се нашъ женишокъ!
Молодыя, во се нашъ женишокъ.

1.

Бѡдре! покажише кафшанъ,
Молодыѣ, покажише кафшанъ.

2.

Княгини! во се нашъ кафшанъ!
Молодыя, во се нашъ кафшанъ.

1.

Бѡдре! покажише кушакъ,
Молодыѣ, покажише кушакъ.

2.

Княгини! во се нашъ кушакъ!
Молодыя, во се нашъ кушакъ.

1.

Бѡдре! покажише сапоги,
Молодыѣ, покажише сапоги.

2.

Княгини! во се нашъ сапозокъ,
Молодыя, во се нашъ сапозокъ.

Бояре! поздоровашься!
Молодые, со всѣмъ поѣздомъ!

ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ.

И я золошо хороню,
Чисто серебро хороню;
Я у бапюшки въ шеремѣ,
Я у машушки въ высѣкомѣ.
Паль, паль першень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гада́й, гада́й, дѣвица,
Въ чужой рукѣ былица.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не ошгадали.
Очушился першень
Да у дворянина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плешучи,
Шелкомъ приплешаючи,
Злашомъ увиваючи.
Куда ушка шла,

Туда пылъ прошла;
 Куда я молода,
 Туда рожь гусша:
 Овинисша, примолѣшисша,
 Еще изъ зерна коврига,
 Изъ полүзерна пирога,
 Въ голенище широкъ,
 Въ шопорище высокъ.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

ПѢСНИ ХЛѢВУ И СОЛИ.

Хлѣбу, да соли дологъ вѣкъ, слава!
 Государю нашему долъ погѣ, слава!
 Государь нашъ не спарѣшся, слава!
 Его добрые кони не ѣздяшся, слава!
 Его цвѣшное плашье не носяшся, слава!
 Его вѣрные слуги не спарѣюшся, слава!

2.

Еще ходишь Никола по погребу, слава!
 Еще ищешь Никола не полного, слава!

Чшо не полнаго, не покрываго, слава!
 Еще хочешъ Никола дополниши, слава!
 Да кому мы спѣли, шому добро, слава!
 Кому вынешся, скоро сбудешся, слава!
 Скоро сбудешся, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
 Да двѣ радуги,
 Какъ у нашего хозяина
 Двѣ радости:
 Еще первая радость —
 Сына женилъ,
 А другая-шо радость —
 Дочь за мужъ ошдалъ;
 Еще за сыномъ
 Корабли бѣгушъ,
 А за дочерью
 Сундуки везушъ.
 А кому мы спѣли, шому добро,
 Кому вынешся, скоро сбудешся,
 Скоро сбудешся, не минуется.

(Три послѣдніе стиха поюшся къ каждой пѣснѣ).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
 Лѣнилася она
 Часпо по воду ходишъ;
 Она шаяла снѣгъ

На печномъ шолбу;
 Она выпаяла
 Позолóшь пёршень,
 Позолóшь пёршень
 О шрехъ сшавочкахъ;
 Да кому эшимъ першнемъ
 Обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
 Да греблася она на завалинкѣ,
 Еще выгребла позолóшь першень,
 Позолóшь першень о шрехъ сшавочкахъ.
 Да кому эшимъ першнемъ обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку черѣзь вороша.
 Ты пади, моя подушка, черѣзь вороша,
 Чшо черезъ вороша, во высóкій шерѣмъ,
 Изъ высока шерема на шесовую кровашь.
 Да кому на шой подушкѣ спашь, почивашь?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

ПѢСНИ РАЗНЫЯ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Волга рѣка
 Разливаешся,
 Широка камка
 Разспилаешся;
 Григорій на конѣ,
 Пешровичъ на добромѣ,
 Спощѣшаешся.
 Машрена въ шеремѣ,
 Машвѣвна въ высокомѣ,
 Снаряжаешся.
 Снарядилась,
 Горько плакала.
 Какъ будешь идши
 Во чужіе люди;
 Какъ будешь звашь
 Свекра башюшкомъ.
 Башюшкомъ звашь мнѣ не хочешся,
 Свекромъ звашь шакъ не водишся.
 Убавлю я спѣси, гордосши,
 Прибавлю я ума, разума,
 Буду звашь 2.
 Свекоръ-башюшка.

2.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой, новой горницѣ, оре-ди-ди.
 За споломъ было дубовымъ.
 Тушъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Анна Ивановна, оре-ди-ди.

Ко столу припадешъ,
 Ко опцу причипашъ:
 Государь, родной башюшка,
 Свѣшь Иванъ, сударь, Ивановичъ!
 Ты спиши лице бѣлое
 На столъ бѣлодубовомъ.
 У себя госши будушь,
 У себя меня сприсяшь,
 У себя меня нѣшу.
 Ты на столъ-шо взглянешъ,
 Меня дѣвицу вспомянешъ,
 Свѣшь Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ синяго,
 Вокругъ синяго моря Хвальнскаго,
 Облегли шуманы, со маревами.
 У души, у красной дѣвицы,
 У Машрены души Дмишревны,
 Вокругъ ея решиваго сердца,
 Облегла шоска со вручиною.
 Государь мой, родной башюшка,
 Свѣшь Дмишрій Шепановичъ!
 Ты возьми саблю ошрую,
 Ты сними мою бѣлую грудь,
 Посмотри решивое сердце.
 Свѣшь мое дияшко любезное,
 Свѣшь Машрена душа Дмишревна!
 Нечего брашь саблю ошрую,
 Нечего снимаешь швою бѣлую грудь,
 Нечего смошрѣшь решивое сердце.

Знашь себя дышяшко
 По бѣлому лицу:
 Бѣлое лицо приусмягнуло,
 Алые румянцы призакрылися,
 Ясныя очи помушилися,
 Изъ очей слезы капилися.

4.

Ахъ, шы свѣшъ моя, свѣшлая свѣшлица,
 Ахъ, шы свѣшъ-ли моя, споловая горница,
 Во сыронтъ-шо бору свѣшлица роняна,
 По шихому Дону свѣшлая павлена,
 На прекрасномъ мѣспѣ свѣшлица спавлена,
 Косящашыми окошками во зеленый садъ,
 Крушымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во шой-ли-шо во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Какъ во шой ли во споловой, новой горницѣ,
 Наспавлены сполы-шо все дубовые,
 Разоспаваны скашерши браныя;
 А за шѣмъ ли споломъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
 Онъ игралъ въ гусли звончашыя,
 Онъ наигрывалъ волю, волю башюшкову,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу машушкину.
 Приходила гусли слушашь Ольга душа,
 Приходила гусли слушашь Аванасьевна;
 Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
 Сама вонъ пошла, горько заплакала.
 Ахъ шы свѣшъ-шо воля, воля башюшкина,
 Ахъ шы свѣшъ-ли нѣга, нѣга машушкина.

Опсшавашь-шо будешъ ошъ воли, воли башюшкиной,
 Опсшавашь-шо будешъ ошъ нѣги, нѣги машушкиной,
 Привыкашь-шо будешъ ко нраву свѣшъ Василія,
 Привыкашь-шо будешъ ко нраву свѣшъ Григорьевича.

5.

На морѣ ушка купалася, 2.
 На синемъ сѣрая полоскалася, 2.
 На камушкѣ ушка крылами шрясла, 2.
 На бережку ушка сушилася. 2.
 Какъ-шо будешъ съ моремъ распшавашися, 2.
 Какъ-шо будешъ съ синимъ распшавашися, 2.
 На дворѣ, дворѣ, 2.
 У Софрона свѣша у Никишича 2.
 Горяшъ огни, 2.
 Огни, польньи, 2.
 На шѣхъ на огняхъ, 2.
 Все кошлы стояшъ, 2.
 Во шѣхъ во кошлахъ 2.
 Гуси, лебеди кипяшъ; 2.
 На красномъ крыльцѣ 2.
 Барабаны бьющъ. 2.
 Во шеремѣ 2.
 У Насшасья души, у Софроновны
 Тепляшся свѣчи 2.
 Воску яраго, 2.
 Молишся Богу 2.
 Свѣшъ Насшасья душа,
 Свѣшъ Софроновна:
 Создай мнѣ, Боже,

Свекра ласковаго,
 Свекровь привѣшливу!
 Милаго ладу 2.
 Наипаче шого. 2.

6.

Ахъ шы камень, камешекъ,
 Самоцвѣшнѣй, лазоревѣй!
 Излежался камешекъ,
 На крушой горѣ прошивъ солнышка.
 Я брошу камешекъ,
 Въ огонь, въ полымя:
 Разгорись мой камешекъ,
 Въ огнѣ, въ полымѣ,
 Разсыпся камешекъ,
 На чешыре спороны.
 Распачься дѣвица,
 Распачься красная,
 Парасковья Дмишревна,
 Передъ своимъ башюшкомъ,
 Передъ родимой машушкой:
 Государь мой башюшка,
 Свѣшъ Дмишрїй Андревичъ!
 Государыня машушка,
 Свѣшъ Анисья Васильевна!
 У васъ сердце каменное,
 Во булашъ сковано,
 Во ларцѣ положено,
 Ключи въ морѣ спущены;
 Не всплывашъ-шо шѣмъ ключамъ

Со дна моря синяго,
 Со дна Хвальинскаго;
 Не бывашьшой жалосши,
 У родимаго башюнки,
 У родимой у машушки,
 До своего дышяшка,
 До Парасковьи Дмишревны.

(Слѣдующія пѣсни поюцца въ дѣвичникѣ).

7.

Какъ у груши зеленыя, *
 Какъ у яблони кудрявыя,
 Много вѣшья шелковаго,
 Много лисья бумажнаго;
 Только нѣшь у этой грушицы
 Золошой одной вершиночки.
 У души, у красной дѣвицы,
 Свѣшь у Ольги Ивановны,
 Много роду, много племени,
 Много брашцевъ, сесприць,
 Много дядюшекъ, пешушекъ,
 Только пѣшь у красной дѣвушки
 Родимаго башюнки.
 Разспупись ты машь сыра земля,
 Ты раскройся гробова доска,
 Пробудися мой родной башюшка,
 Свѣшь Иванъ сударь Ивановичь!

* Пѣсню эту поюць когда у невѣспы нѣшь опца или ма-
 тери.

Мнѣ нужно тебя, очень надобно,
Привяпъ опъ тебя благословеньце,
Ко суду Божию, ко зламу вѣнцу.

8.

Замело-шо пушь, дорожиньку,
Призапали слѣдки баптмачные,
Не бывашъ-шо мнѣ, не ращивашъ
У любезной своей подруженьки,
У Надежды души Васильевны,
Во своей-шо дѣвичей красотѣ,
Во своей-шо прубчашой косѣ.

9.

Ужъ какъ по морю корабль бѣжишь,
По синему черенъ бѣжишь;
По бережку красна дѣвица идешь;
Она вскрикнула, гаркнула,
Своимъ-шо зычнымъ голосомъ:
Корабельщички, гребщички,
Вы приспаньше ко бережку,
Вы возьмише грамошку,
Ко моей шо родной пешушкѣ,
Свѣшь Анисьѣ душѣ Михайловнѣ.
Напишу-шо грамошку
Не перомъ, не чернилами,
А своими горячьими слезами;
Запечашаю грамошку
Я шоскою, кручиною.

Ахъ шы шысяцїи воевода, оре-ди-ди.^{*}
 Свѣшъ Парменъ воевода,
 Господинъ воевода, воевода,
 Свѣшъ Кондрашьевичъ воевода,
 Да шы вздилъ въ Угру
 Торговаши, шорговаши;
 Да шы бралъ, сударь,
 Не кунами, не кунами,
 И не черными соболями, соболями,
 А шы бралъ, сударь,
 Дѣвицами, дѣвицами,
 Все со русьми со косами, со косами,
 Со дѣвичьими красошами, красошами.

Какъ не ласпочка, не касашочка
 Вкругъ шепла гнѣзда увивалась;
 Она билась, она билась,
 Она бѣлая убивалась.
 Свѣшъ Марья, свѣшъ Петровна,
 Вкругъ висока шерема ходила.
 Опоприся, опоприся,
 Мой высокъ шеремъ опоприся;
 Опомкнися, опомкнися,
 Мой вишой замочекъ, опомкнися;
 Ошворися, ошворися

* Оре-ди-ди повшоряется послѣ каждого спика.

Бѣлодубовая дверь, отворися;
 Распахнися, распахнися,
 Шишой, браной положекъ, распахнися;
 Разбудися, разбудися,
 Сударь-башюшко, разбудися.
 Мнѣ не годъ-шо, мнѣ не годъ-шо,
 Мнѣ не годъ-шо у шебя годоваша;
 Мнѣ не лѣшо, мнѣ не лѣшо,
 Мнѣ не красное лѣшо господиши;
 Мнѣ не зиму, мнѣ не зиму,
 Не спуденую зиму зимоваша:
 Одну ночку, одну ночку,
 Одну шемную ночеваша.
 Не знашь ходя, не знашь ходя,
 Не знашь ходя мнѣ ночь проходиши;
 Не знашь сидя, не знашь сидя,
 Не знашь сидя мнѣ ночь просидѣши;
 Не знашь съ башюшкомъ, не знашь съ башюшкомъ,
 Не знашь съ башюшкомъ говориши,
 Не знашь съ машушкой думу думашь,
 Не знашь съ родимою думу думашь.

12.

Перепелочка, ласпочка,
 Ты зачѣмъ рано вылетаешь
 Изъ своего гнѣзда шенлага?
 Ахъ, вы свѣшъ мон малья пшашечки,
 Ахъ, вы свѣшъ мон носаны!
 Не сама шо я вылѣшьываю
 Изъ своего-шо изъ шенлага гнѣздышка:

Выбиваешъ меня младъ, ясенъ соколъ,
 Онъ своимъ-шо могучимъ крыломъ.
 Ахъ, шы свѣшъ-шо наша подружнѣйка,
 Ахъ, шы свѣшъ-шо наша голубушка,
 Свѣшъ Марья душа Ивановна.
 Ты къ чему рано за мужъ пошла,
 Ты къ чему рано задумала
 За дороднаго добраго молодца,
 За Василья свѣшъ Васильевича.
 Ахъ, вы свѣшъ мой подружнѣйки,
 Ахъ, вы свѣшъ мой голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала;
 Ошдаешъ меня сударь бапюшка,
 Свѣшъ Иванъ сударь Прохоровичъ,
 Съ гсударыней родной мапушкой,
 Свѣшъ Анисей душой Андреевной:
 Пришакнули имъ весь родъ, племя.

13.

Не соколъ залешаешъ, оре-ди-ди.
 Не крыломъ замешаешъ.
 Свѣшъ Машвѣй завъзжаешъ,
 Свѣшъ Андреевичъ завъзжаешъ.
 Душу Дарью залучаешъ,
 Свѣшъ Пешровну залучаешъ;
 А свѣшъ Дарья душа плачешъ,
 Свѣшъ Пешровна душа плачешъ;
 А Машвѣй ее шѣшишъ,
 Свѣшъ Андреевичъ ее шѣшишъ:
 Ты не плачь, душа Дарья,

Ты не плачь душа Пешровна!
 Не въ полонъ я шебя беру,
 Не въ полонъ полоюю,
 Я беру шебя, Дарьюшка,
 Я беру шебя, Пешровна,
 Я ошъ башюшки къ башюшкъ,
 Я ошъ машушки къ машушкъ,
 Я ошъ брашцевъ-шо къ брашцамъ,
 Ошъ сесшрицъ-шо къ сесшрицамъ,
 Какъ ошвѣшъ шо держишъ Дарья душа,
 Ошвѣчаешъ Пешровна ему:
 Я сама про шо знаю,
 Я сама про шо вѣдаю,
 Чшо ошъ башюшки къ свекору,
 Ошъ родной ошъ машушки къ свекрови,
 Чшо ошъ брашцевъ къ деверьямъ,
 Ошъ сесшрицъ къ золовкамъ.
 Мнѣ не на будешъ нѣга,
 Какъ у родимаго башюшки,
 Какъ у родимой у машушки.

14.

(Пѣсни, кошорыя поюшъ въ свадьбу).

Изъ-за лѣса, лѣса шемнаго,
 Изъ-за лѣса дремучего,
 Лешишъ спадо гусиное,
 А другое лебединое.
 Ошсшавала лебедь бѣлая,
 Прочъ ошъ спада лебединого;

Приспавала лебедушка
 Ко спаду, спаду гусиному.
 Не умѣшь лебедушка
 По гусиному кликаши.
 Ее спали гуси щипашь,
 А лебедушка кликали:
 Не щиплише, гуси сѣрые,
 Не сама я къ замъ залешѣла,
 Занесли меня вѣшры буйные,
 Вѣшры буйные, осенне.
 Ошспавала красная дѣвица,
 Парасковья Спепановна,
 Ошъ своихъ шо подруженекъ,
 Приспавала Парасковьюшка
 Къ молодымъ-шо молодушкамъ.
 Начали ее бабы журиши.
 Не журише, молодушки!
 Не бранише, голубушки!
 Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Завезли меня добрые кони,
 Свѣшь добрые кони Борисовы,
 Свѣшь добрые кони Ивановича.

15.

Возлелѣй, лелѣй, Волга-рѣка, спруею!
 Ужь не долго тебѣ лелѣяши спруею
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Машвѣй, сударь, дочь;
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Сударь Ивановичъ дочь;

Ужь не долго шебъ шѣшиши;
 Одинъ часъ до суда Божія,
 Одинъ часъ до злаша вѣнца.

(Когда благословящъ невѣсшу образомъ ошець и
 машь, и посадышъ за споль, поюшъ гѣсню).

16.

Благодарешвую, башюшка,
 Сѣвшъ Игнашій Филаповичъ,
 Тебъ на хлѣбъ, на соли,
 На премногой швоей милосши;
 Ты поилъ, кормилъ, жаловалъ,
 И ни въ чемъ не ошказывалъ.
 Не ошказывай, башюшка,
 Ошъ своего благословеньца;
 Какъ швое-шо благословеніе,
 Какъ швое-шо великое,
 Изъ шемныхъ лѣсовъ выведешъ,
 Изъ синя моря вынесешъ,
 И ошъ злыхъ людей оборонишъ.

(Когда пріѣдешъ женихъ за невѣсною).

17.

Шло солнце по залѣсью,
 Шла наша Софьюшка по засполью,
 Бросила ключи, 2.
 О дубовый споль.

Я тебѣ, башюшка, 2.
 Не ключница,
 Свѣшь родной, 2.
 Не ларечница.
 Ключница я 2.
 Свекру башюшкѣ,
 Ларечница я 2.
 Свекрови машушкѣ.

18.

Среди было двора, оре-ди-ди-
 Среди широка,
 Свѣшь Василья,
 Свѣшь Ивановича.
 Сбѣжались,
 Собирались,
 Князья, бояре;
 Думали они
 Думу крѣпкую:
 Какъ идши къ Василью во дворѣ,
 Какъ идши свѣшь къ Ивановичу,
 Какъ намъ взяшь Марью душу,
 Какъ намъ взяшь Васильевну.
 Какъ выискался
 Удалой, добрый молодецъ,
 Свѣшь Григорій господинъ,
 Свѣшь Андреевичъ,
 Во се я пойду,
 Во се я возьму,
 Свѣшь Марью душу,
 Свѣшь Васильевну.

Ужь какъ у броду, броду, оре-ди-ди.
 У калиноваго моспа.
 Тушь спояли Князья, бояре,
 Бояре все Васильевы,
 Бояре все Семеновича;
 Они просили, молили
 У Пешра-свѣша милоспи,
 У Ивановича жалоспи.
 А свѣшь Пешръ сударь вышелъ,
 Онъ добра коня вывелъ;
 Они взяли, поклонилися,
 Ошошли они похулили:
 Еще чшо эшо за конь,
 Еще чшо эшо за добрый?
 Нѣшь сѣдельшка Черкаскаго,
 Нѣшь уздечки шелковой.
 Ужь какъ у брода, брода
 У калиноваго моспа.
 Тушь спояли Князья, бояре,
 Бояре все Васильевы,
 Бояре все Семеновича.
 Они просили, молили,
 Свѣшь у Марег-души милоспи,
 Свѣшь у Федоровны жалоспи.
 А свѣшь Марега вышла,
 А свѣшь Федоровна вышла,
 Кованой ларець вынесла.
 Они взяли, поклонилися,
 Ошошли они, похулили:

Еще что это за ларчикъ,
 Еще что это за кованый?
 Нѣтъ замочка серебряна,
 Нѣшу ключика золочена.
 Еще у брода, брода,
 У Калиговаго моспа.
 Тушъ спояли Князья, бояре,
 Бояре все Васильевы.
 Бояре все Семеновича.
 Они просили, молили,
 У Федосьи-души милоспи,
 У Филиповны жалоспи. *
 Свѣшъ Федосья душа вышла,
 Свѣшъ Филиповна вышла,
 Красну дѣвицу вывела.
 Они взяли, поклонилися,
 Ошошли, похвалили,
 Еще чтожъ это за дѣвица,
 Еще чтожъ это за красная!
 Что со русой со косою,
 Что со дѣвичей крососою,
 Свѣшъ Марья Пешровна.

20.

(Поюшъ въ день свадьбы).

Ахъ, шы выйди, сударь башюшка,
 Свѣшъ Никиша Васильевичъ,

* Это относится къ свахѣ невѣстниной.

За верошечки широкия,
 За вереюшки дубовыя.
 Припади, мой сударь башюшка,
 Ты ко машушкѣ, ко сырой землѣ;
 Ты послушай, мой сударь башюшка,
 Не дрожишь-ли машь сыра земля?
 Чшо не слышно-ли конскаго попошу,
 Молодецкаго мосвисну?
 Чшо не ѣдешь-ли мой-шо суженый,
 Чшо не ѣдешь-ли мой-шо ряженный,
 Свѣтъ Гаврила Ивановичъ,
 Со своимъ-ли крупнымъ повздомъ,
 Еще тысячкй со боярами,
 Княжая свашинька съ подсвашьями.

21.

Свѣтъ Агафьюшка
 Со двора съѣзжала, съѣзжала,
 Свѣтъ Павловна со широка съѣзжала,
 Со груши вершиночку сломала:
 Ты живи, сударь башюшка,
 Безъ своей любезной дочери.

22.

Какъ не ласшочка пропу шронила,
 Не касахая дорожкой шла, эй, эй.
 Какъ не бѣлый горноспай проскакалъ, эй, эй.
 Проскакали шрон дубовы сани, эй, эй.
 А чешвершья со вырѣзами, эй, эй.
 Какъ во саночкахъ лежаночка споишь, эй, эй.

Во лежаночкѣ Иванушка лежишь, эй, эй.
На гору конь упираешся,
Подъ гору конь разбѣгаешся, эй, эй.
Объ калину расшибаешся,
На калинѣ соловей шица сидишь, эй, эй.
Горьку ягоду калинушку клюешь,
Онъ малинушкой прикусываетъ, эй, эй.
На всѣ стороны поглядываешъ,
Чшо на всѣ-ли на чешыре стороны, эй, эй.
Ужь шы пой, воспѣвай соловей,
При печали ушѣшай молодца, эй, эй.
При кручинѣ красну дѣвицу душу, эй, эй.
Соловей во всю ночь просвисшалъ,
Молодецъ во всю ночь не спалъ,
Все во золошы цымбалы проигралъ,
Все душу красну дѣвицу ушѣшалъ.

СЛОВАРЬ

УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ СИБИРИ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ (ПРОВИНЦІАЛИЗМОВЪ).

Баба, шолбъ у колодца.

Байдара, лодка Американцевъ, въ кошорой сядяшъ два
и при человекъ.

Багга чаю, фуншъ чаю.

Барловина, осенняя лучшей дикой козы шкура.

Бастрыкъ, рычагъ и шолспая палка.

Безмыль, вѣсъ въ два фунша съ половиною.

Братанъ, двоюродный брашъ; шакже называюшъ дво-
юроднаго браша *сродныль*.

Буранъ, сильный вѣшеръ съ порывомъ.

Бурдукъ, жидкій, горячій кисель.

Бусъ, мѣлкій дождь.

Варнакъ, пресшунникъ, наказанный и заклеяменный; но
шакъ называешъ ихъ черный народъ; болѣе называ-
юшъ ихъ *несчастными*.

Вечёрка, вечеринка.

Вожжи, лоцманы или жогапы при опасныхъ мѣстахъ и порогахъ.

Гайно, куча хламу всякаго и шакже гнѣздо бѣлки, гдѣ у нея бываешъ напаскано множесиво сору и вѣшвей.

Гайтанъ, шнурокъ понкій; шакже серебряная плоская цѣпочка, на кошорой носяшъ крестъ.

Галешникъ, самый мѣлкій булыжникъ.

Гаркать, кликашъ, вскрикивашъ.

Горбуша, коса на подобіе серпа; шолько ручка у нея гораздо больше: аршина въ полшора. Косяшъ горбушей размахивая въ обѣ стороны, и она болѣе въ упошребленіи; но косишь ею не выгодно, пошому чшо она не можешъ сляшъ шравы близко къ землѣ. Косы, какія въ Россіи косяшъ сѣно, называющся въ Сибири *литовками*.

Горбольсъ, бѣлка, когда она линяешъ весною; шогда шерсть у нея красновашая. На бѣлкѣ, кошорая еще не совсѣмъ вылиняла, ошающся красновашыя пашна, и когда попадающся шакія шкурки въ продажѣ, ихъ называющъ *горбольсъ*.

Голбецъ, подмосшки къ палашамъ въ избахъ. Иногда *голбецъ* бываешъ закрышый со всѣхъ сторонъ и съ дверями; въ немъ дѣлающъ ходъ въ *подполье*.

Гребеньщицы, женщины, кошорыя нанимающся грести сѣно.

Гребитъ, сердце вѣщуешъ, безпокоишся.

Гужиръ, солоновашая земля; ее много за Байкаломъ; шамъ кладушъ ее въ щелокъ, когда моюшъ бѣлье или полы.

Гуранъ, дикій козелъ.

Грядка, жердочка въ чуланъ, на кошорой вѣшаютъ плашь; ее называютъ и *пересовець*.

Даха, шуба козья вверхъ шерстью.

Дивно, много, довольно-таки.

Дѣжа, масшеръ своего дѣла.

Доспѣть, сдѣлать.

Дошлый, проидоха, проныгра.

Дресва, крупный песокъ.

Дрова кандовыя, лучшія сосновыя и лиственничныя; мѣлкія дрова называются *мендовыми*.

Ереститься, ворчать, бранишься пошухоньку.

Еретькъ, мершвецъ.

Жирникъ, плѣшка, налишая саломъ или рыбьимъ жиромъ, для освѣщенія въ избѣ.

Журавецъ, коромысло у колодца.

Завозня, сарай карешный.

Замка, загородный домъ, или по-Малороссійски хуторъ.

Закаяться, опречься навсегда.

Запасъ, мука ржаная и пшеничная.

Заплоть, заборъ кругомъ дома.

Зарѣдъ, скирдъ сѣна.

Затуранъ, мука пшеничная, поджареная въ коровьемъ маслѣ. Ее употребляютъ разводя чаемъ, или кипящею водою, съ прибавкой соли и молока. Эша смѣсь почищается лекарьшвенною или очень здоровою.

Зимовье, кухня и людская, оштѣльныя оштѣ дому, или изба въ ошдаленіи оштѣ всякаго жилья.

Зыбунъ, прясина или болошо.

Зыбка, колыбель.

Изморозъ, гололедица, особливо во время замерзанія Ангары.

Изурочить, сглазитьъ.

Ициги, сапоги не на полстпной подошвѣ и безъ подшивки.

Казенка, чуланъ.

Калаузь, кожаный мѣшокъ для дороги.

Камлейки, особенный родъ плашья. Ихъ привозяшъ изъ Америки, Камчашки, Зашиверска и Охошска. Онѣ бываюшъ изъ рыбьихъ или кишовыхъ кишекъ, и расшпы, изукрашены волосами и шонкими ремешками морскаго кошника. Еще бываюшъ камлейки изъ оленьей или лосиной кожи, съ кошорой сняша шерсть и кожа выдѣлана; онѣ немного ниже колѣна, иногда съ капшономъ, кошорый надѣваюшъ на голову. Ихъ носяшъ почти всѣ живущіе въ шѣхъ мѣсцахъ Русскіе промышленники, пошому что онѣ предохраняюшъ ошъ вѣтра и сырой погоды.

Канаться, признавашся, каяшся.

Карбазъ, большой плоскодонный паромъ или барка. Маленькіе *карбазы* называюшся *щитиками*.

Катушка, кашальная гора.

Кислица, красная смородина.

Кислы, сѣрая капуста, квашеная съ простѣянной ржаной мукой.

Клюка, кочерга.

Копоть, пыль.

Корга, ошлогій берегъ, покрышый мѣлкимъ камешни-
комъ.

Котицы, загородки изъ колевъ; шакъ ловяшъ омулей
въ осеннее время.

Кортомя, наемъ дома; нанимающій домъ, *кортомицкя*.

Курьи, заливы въ рѣкахъ и озерахъ.

Куть, перегородка въ избѣ, гдѣ спряпаюшъ передъ
печью; иногда она состоила изъ какой нибудь зана-
вѣски, повѣшенной на жердочкѣ.

Лабашакъ, родъ азяма или халаша изъ верблюжьей
шерсти; получающя ошъ Бухарцевъ.

Лагунъ, ушашъ съ двумя днами и гвоздемъ; въ нихъ
держашъ квасъ и пиво.

Ладно, хорошо.

Латка, глиняная глубокая сковорода.

Ложкомойка, небольшая кадочка, въ которой моюшъ
посуду.

Макса, пошрохъ нажима.

Маревъ, шуманъ.

Межеумокъ, узкій шопоръ.

Мизгиръ, паукъ.

Молосное, скоромная пища.

Мореставъ, время замерзанія Байкала.

Мытница, женщина, кошорая моешъ полы.

Мучникъ, пирогъ изъ ржанаго шѣсша, внушри посы-
панный солью.

Мядликъ, большой мѣдный горшекъ.

Мяжкя, вообще пшеничные пироги, булки и *шанъги*.

Набирка, бурачекъ, особенно для ягодъ.

Наледь, вода сверху льда.

Наливашиники, пирожки съ вареньемъ; *наливашиники маленькіе*, бисквишпы съ вареньемъ.

Наконечники, пришивные къ полощцу, кружевные или вышитые концы.

Налистники, лепешки изъ жидкаго шѣспа, замѣшанныя на простоквашѣ и сверху со смешаной. Ихъ пекутъ на капустныхъ листьяхъ.

На прокъ, на будущій годъ.

Нельма, бѣлорыбица.

Нерпы, шюлени; они есъ въ Байкалѣ. Между промышленниками есъ Новѣрье, что когда поймаюшь нерпу, шо она плачешъ, и пошому въ Иркутскѣ гово-ряшъ: плачешъ, какъ нерпа.

Оболокаться, одѣвашья.

Озойной, огромный, большой.

Огоньки, боа изъ собольихъ хвостовъ.

Опришникъ, опшужденный (опричникъ).

Опружился, ошупился, упалъ въ яму или въ воду.

Ошейникъ, галсхухъ изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Падь, узкая долина между двухъ горъ.

Палы, пожары лѣсные. Когда горишь лѣсъ, шо гово-ряшъ: *палы ходять*.

Парка, одежда жишелей Якушка, Охотска и Кам-чашки, изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, бобровъ, ко-шиковъ, куницъ, пыжиковъ, формою похожая на *кам-лейку*, шерстью внизъ, а сверху окрашенная особен-ною красною краскою и обшшая бобромъ или ко-шикомъ.

Цельмани, шо-же, что въ Россіи называющъ ушки. Ихъ дѣлающъ изъ макароннаго шѣспа, съ рубленой говядиной, также съ рыбой, съ грибами, замораживающъ, и они превращающъ въ камешки. Въ шакомъ видѣ берущъ ихъ въ дорогу (въ Сибири не бываешъ ошпелелей), и спѣишъ опуснишъ пельмени въ кипящую воду, кушанье гошова, и очень вкусное.

Перстянки, перчашки.

Пестерь, большое лукошко, сплешеное изъ шовкихъ дравичекъ или прущевъ.

Пилы, общишые кожей войлочныя кошы, или валенки.

Поваренка, уполовникъ, или чумичка.

Подполье, сухой погребъ подъ жильемъ.

Подживотникъ, шесъма въ палецъ и въ два шириною.

Подпльть, кухня, если она подъ жилыми комнащами.

Подпаль, молодая, не дорослая бѣлка; шкура у ней черная.

Подростокъ, дѣвочка или мальчикъ ошъ 10 до 15 лѣшъ.

Подорожники, разные припасы на дорогу, крендели, булки.

Пожамкать, немного постирашъ бѣлья.

Полазъ, длинный коверъ.

Полубогъе, бочка или боченокъ, перепиленный на двое; обѣ половины называющъя полубочьями.

Помощь, работа общими силами нарочно приглашенныхъ, кошорыхъ послѣ этого угощающъ.

Портище; прежде шакъ называлась кишайка, извъсшная бумажная машерія, получаемая ошъ Кишайцевъ; она свершывалась въ шрубки и называлась *портище*.

Порга, сглазь. *Поргею* называютъ просшой народъ въ непонятныя для него болѣзни.

Поскотина, огорожа для скоша подлѣ деревень.

Прикопотки, шерстяные носки.

Пропарина, польнья.

Прорва, узкое мѣсто на рѣкахъ, гдѣ можно проходитьъ судамъ.

Протока, проливъ рѣки.

Прошка, нюхальный шабакъ. Говорятъ: «Онъ пьетъ прошку, или ширкаетъ,» шо ешь нюхаешь шабакъ. Въ Охотскѣ, Якушкѣ, Камчашкѣ, Туземцы и даже Русскіе кладушъ въ рошъ липья шабаку, и держашъ покуда высосушъ весь сокъ. Эшо называютъ *лемешиною*, и говорятъ: «Онъ кладешъ лемешину за губу.»

Пурга, вьюга или метель.

Ровдуга, выдѣланная кожа оленя или лося.

Рѣкоставъ, время замерзанія рѣки.

Сахарники, бисквиты разныхъ видовъ.

Сестреницы, двоюродныя сестры.

Смолость, коровье вымя.

Сношенницы, жены двухъ братьевъ родныхъ или двоюродныхъ.

Сокуй, ледяныя горы, кошорыя набиваешъ на берега Байкала осенью.

Соръ или *сѳры*, мѣспа, гдѣ расшешъ, болѣе въ заливахъ Байкала, права и просшиникъ.

Сохатый, лось дикій.

Станокъ, почшова я спанція.

Страда, жашва и время жашвы.

Срочный, рабочий, наняшой на срокъ.

Струганина, мерзлая рыба, наспроганная ножемъ.
Эшо любимое кушанье жищелей Якушка, Охошка
и Камчашки.

Стружекъ, легкая съ оспрыми концами лодка, не
поднимающая болѣе шрехъ человекъ.

Стряпка, кухарка.

Судомойка, мочалка.

Сулой, сырой кисель.

Съмякко-дитятко! Упошребительное ласковое слово
спарушекъ съ дѣшми.

Таросья, большія льдины при замерзаніи Ангары. По
нимъ шарики угадываютъ, плодородный-ли будешъ
годъ: если много *таросьевъ*, шо много будешъ хлѣ-
ба.

Толкунцы, шпормы на Байкалѣ.

Трапезникъ, спорожъ и прислужникъ церковный. По
Воскресеньямъ онъ ходишъ въ дома прихожанъ, съ
кузовомъ за плечами, говоря: «Трапезнику *мяконъ-
каго*» (пшеничнаго). Въ Воскресенье почши вездѣ пе-
кушъ булки и пироги, и въ каждомъ домѣ даюшъ
ему пирогъ или булку.

Тулунъ, мѣшокъ кожаный изъ выдѣланной кожи.

Турсукъ, кузовъ изъ бересшы; въ нихъ привозятъ
ягоды, особенно бруснику съ Лены.

Уловы, глубокія ямы въ рѣкахъ, гдѣ вода вершился
какъ въ воронкѣ.

Унты, сапоги изъ *барловимы*, шерстью внизъ, безъ
поднаряду; для крѣпкосши ихъ обшиваютъ внизу ко-
жею.

Уросить, говорящъ, когда ребенокъ упрямится; по-же и о лошади, когда она ршачится.

Усолъе, соляной заводъ, солотарня.

Ушканъ, заяць.

Хворосты, родъ пирожнаго. Ихъ дѣлають о масляницѣ, изъ крупичашой муки и свѣжихъ яицъ; рассучивши шонко шѣсно, вырѣзываютъ рѣзцомъ разныя фигуры и жарятъ въ маслѣ.

Хлебальникъ, большой пирогъ изъ сдобнаго шѣсна, съ рубленой морковью или капустой и рублеными янцами. Пирогъ съ рубленой говядиной называютъ *росольникъ*.

Хрушко, что нибудь крупно исполченное.

Цыбикъ, ящикъ или *мсто* чаю байховаго или кирпичнаго.

Цыпля, бадья у колодца.

Чалпанъ, кожаный мѣшокъ, въ кошорый Буряты наливаютъ масло.

Чарки, кожаные копы, обувь чернаго народа.

Чебакъ, шеплая шапка съ ушами; иногда бываетъ у нея назад доскушъ, уши поднимаются къ верху и завязываются леншой; но иногда эту шапку называютъ *малахай*.

Чеча, говорящъ дѣшямъ, когда показываютъ какую игрушку.

Шанга, полсная лепешка, помазаная сверху шворомъ или смешаной.

Шестокъ, мѣсно подъ лавкою, гдѣ зимою держатъ куръ, загороженное рѣшенкою.

Шиверы, подводные камни или косы, которые почти
выказываются изъ воды.

Ширитъ, зашивашъ въ кожи шовары, отправляемые
въ дальнюю дорогу. Въ Иркутскѣ и Кяхтѣ есть
на это особенные мастера; ихъ называютъ *ширилъ-*
щики.

Шуга, мѣккій ледъ по рѣкѣ.

Щеки, каменные горы по обѣимъ сторонамъ рѣки
или дороги.

Щепетко, хорошо.

Эка втора! междометіе, выражающее сожалѣніе или
удивленіе.

Ядрѣный, здоровый, крѣпкій.

Яманъ, козель.

Ямануха, коза.

Еще не такъ давно въ Иркутскѣ угощенія совершенно напоминали спарую Русь. Для званыхъ обѣдовъ гошовили множество кушаньевъ, блюдъ 30 и болѣе. На сшоль сшавили пиво, квасъ, медъ, вино; наливки обносили послѣ. Порядокъ блюдъ былъ слѣдующій: сначала подавали холодныя, пошомъ супъ и щи, за шѣмъ соусы, жаркое и пирожное. Сшоль успавляли холодными блюдами и пирожнымъ. Чаши съ супомъ и щами подавали на сшоль, и кшо вибудъ изъ знакомыхъ разливалъ. Холодныя, кошорья сшавили на сшоль: окорокъ вешчины цѣлый; косшь у него обвипа мѣлко высприженною бумагою и завязана лешпочкою; окорокъ свѣжей свинины или бужанины, убранный шакимъ-же образомъ; поросенокъ, обсыпанный яицами; курицы, шо-же обсыпанныя яицами; гуси, обложенные солеными огурцами и обсыпанные зеленью; ушки, убранныя шакимъ-же образомъ. Дичина, шешерки, глу-

хіе шешеревы, обложенныя лимонами. Къ холоднымъ блюдамъ подавали лимонный сокъ, уксусъ и горчицу. Къ супу и шамъ подавали пирожки, болѣе жареныя въ маслѣ; ихъ называли *спускыми*. Соусы подавали сначала кислые, пошомъ сладкіе: съ говядиной, въ видѣ небольшихъ круглыхъ кошель, съ лукомъ красный; съ почками шо-же красный, кислый; съ курицей бѣлый соусъ. Соусы съ гусемъ, ушками и языкомъ дѣлались красныя, сладкіе, съ изюмомъ, черносливомъ и миндалемъ; соусы съ дичиной кислые, красныя; пашешъ слоеный. Пшенинкъ, въ соусникъ запеченный, съ яицами и сахаромъ. Жаркія всѣхъ родовъ подавались каждое розно. Къ жаркому огурцы соленые, огурчики въ шыквѣ, грузди и рыжики соленые, капуста свѣжая шинкованная, дѣшомъ зеленый салатъ, арбузы и дыни соленые. Пирожныя: пирогъ сладкій, слоеный; шоршы разными манерами, слоенныя: ихъ называли *търки*; вафли, кольца, кудри, спружки, шрубочки, розочки, наливашники двухъ соршовъ; бисквишны; большой бисквишъ, испеченный въ кашпюлѣ; миндальное разное, въ формахъ печеное, крѣспиками, съ вареньемъ; желе и бланманже.

Въ пошпы шакже гошовили много кушаньевъ: разная рыба, холодныя, жаркія; въ соусахъ порядокъ соблюдали шошъ-же, лишь съ шѣмъ различіемъ, что напередъ подаваласьakra осешровая, пошомъ кулебяка пребольшая, иногда въ аршинъ, съ осешриною, подсыпанною вязигою. Еще въ числѣ жаркихъ одно сославлялось изъ рыбы. Тѣло рыбы поклали въ шѣсно, среднну начинивали вязигой съ фаршемъ и жарили въ

маслѣ. Это блюдо называлось *кругое тѣльное*, и чѣмъ больше кулебяка и тѣльное, тѣмъ лучше. Пирожныхъ дѣлалось также множество.

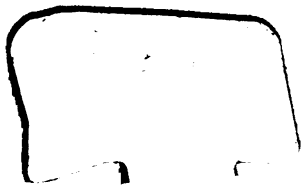
К О Н Е Ц Ъ

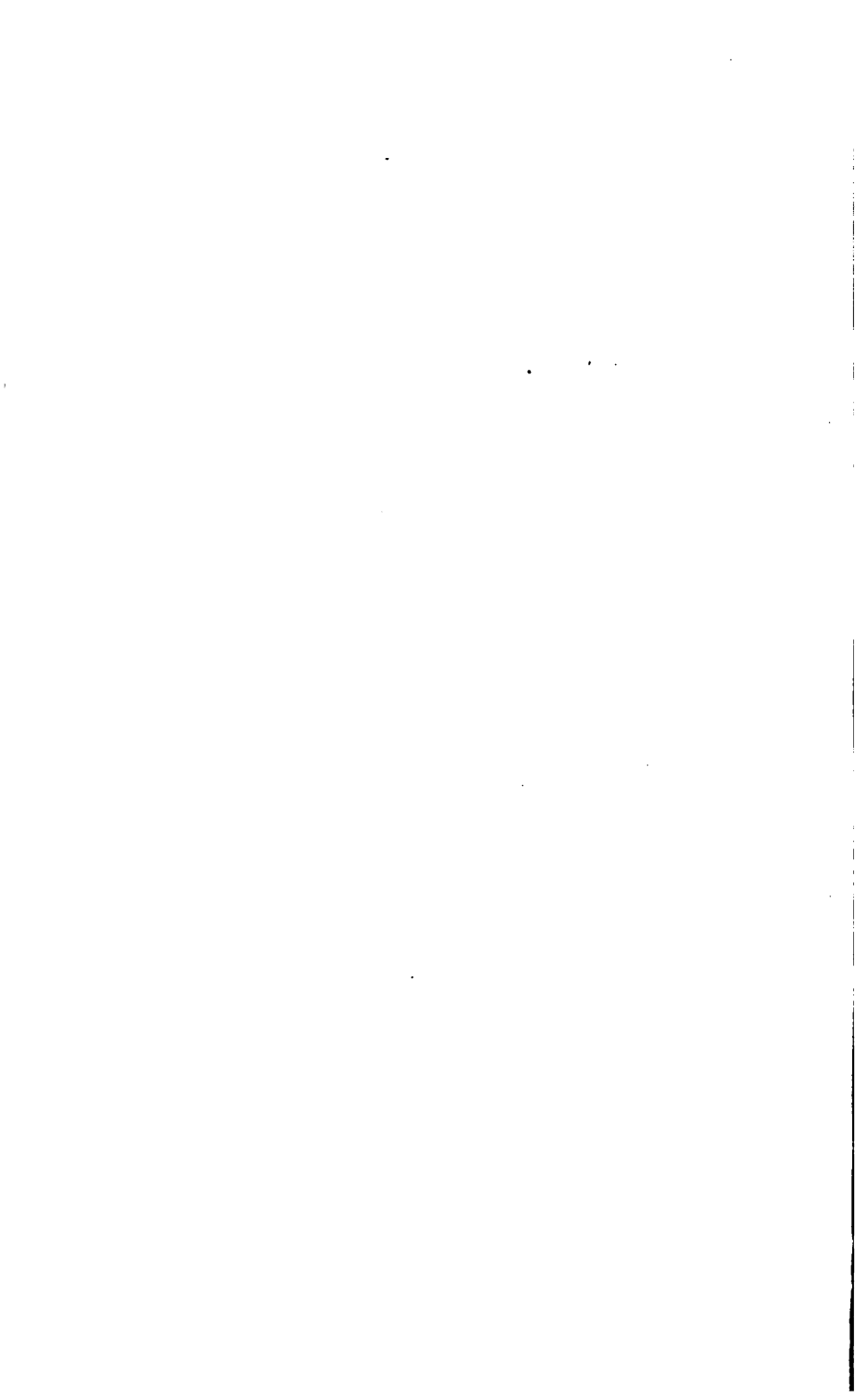

3 2044 019 844 059

3 2044 019 844 059

